

18+

Юрий Драздов

МАНАКОП. АРКА 13

Юрий Драздов

Манакон. Арка 13

«Издательские решения»

Драздов Ю.

Манакоп. Арка 13 / Ю. Драздов — «Издательские решения»,

Система пала. Архитектор, тиран, превративший людей в батарейки, уничтожен. Город Пепельная Воронка лежит в руинах, разделенный зонами небытия — серой пустотой, оставшейся после «Форматирования». Кажется, что настало время долгожданной свободы. Но экс-инквизитор Кай, чья левая рука теперь каменная, быстро понимает горькую правду: свобода без правил — это не рай, а новый ад. В вакууме власти расцветают диктатура, анархия и религиозный фанатизм. Люди сражаются за воду, крадут еду.

© Драздов Ю.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Вакуум власти	6
Часть I. Закон джунглей	7
Часть II. Источник	12
Часть III. Мародёры	18
Часть IV. Последствия	25
Глава 2. Хаос без правил	28
Часть I. Точка невозврата	29
Часть II. Эскалация	36
Часть III. Право сообщества	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Манакон. Арка 13

Юрий Драздов

© Юрий Драздов, 2026

ISBN 978-5-0070-0590-6 (т. 13)

ISBN 978-5-0070-0543-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Вакуум власти

Часть I. Закон джунглей

I

Второй день свободы начался не с надежды, а с драки.

Кай слышал крики ещё до того, как полностью проснулся. Он спал — или, точнее, провалился в тяжёлое, лишённое сновидений забытье — на том же обломке стены, что и прошлой ночью. Его каменная левая рука, холодная и безжизненная, лежала на груди, как надгробная плита, а правая всё ещё сжимала сумку Грегора. За ночь пальцы затекли так, что он едва мог их разжать. Когда ему это наконец удалось, он увидел на ладони глубокий красный отпечаток от шнура — словно сама сумка отказывалась отпустить его, как он отказывался отпустить память о старом инквизиторе.

Крики доносились от фонтана.

Он встал и, преодолевая боль в затёкшей спине, направился туда. Солнце только начало подниматься над руинами восточных кварталов, и его лучи, косые и золотистые, освещали площадь под таким углом, что тени от людей и обломков казались неестественно длинными, искажёнными, словно сама реальность ещё не до конца оправилась от «Форматирования». Воздух был холодным — тем особым, пронизывающим холодом раннего утра, от которого не спасала даже одежда, — и пах дымом от догоревших костров.

У фонтана собралась толпа. Человек сорок, может быть, пятьдесят. Они стояли полукругом, и в центре этого полукруга происходило что-то, чего Кай в глубине души ожидал с того самого момента, как Архитектор исчез.

Группа мужчин — крепких, с грубыми, обветренными лицами и руками, покрытыми шрамами от физической работы, — оттеснила от фонтана женщин и стариков. Они выстроились цепью, взявшись за руки, и не пропускали никого к воде. Во главе их стоял человек, которого Кай не видел раньше, — массивный, с бычьей шеей и кулаками размером с кузнечный молот. Его лицо, покрытое щетиной и пересечённое старым шрамом от виска до подбородка, выражало ту особую, тупую уверенность, которая свойственна людям, привыкшим решать вопросы силой. Он был одет в рваный кожаный жилет, под которым виднелись бугры мышц, и держал в руке короткую металлическую трубу — явно выломанную откуда-то из руин.

— Вода теперь платная! — объявил он, и его голос, хриплый и властный, перекрыл шум толпы. — Кто хочет пить — платит. Еда, одежда, инструменты — что есть, то и несите. Или можете попробовать взять силой. — Он усмехнулся и постучал трубой по ладони. — Только не советую.

Кай протиснулся сквозь толпу и вышел вперёд. Мужчина с трубой заметил его и на мгновение замер — видимо, узнал. Его глаза, маленькие и глубоко посаженные, быстро оценили Кая: измождённое лицо, каменная левая рука, висящая мёртвым грузом, потрёпанная одежда. Никакой брони. Никакого оружия. Только аура — та самая, которую люди начинали распознавать, даже не обладая «слепым зрением». Аура человека, который убил Архитектора.

— Ты кто? — спросил Кай спокойно, хотя внутри него уже разгорался холодный, расчётливый гнев.

— Гуннар, — ответил мужчина, и его усмешка стала шире. — Бывший шахтёр с восьмого сектора. Теперь — начальник охраны этого фонтана. А ты, значит, тот самый инквизитор, о котором все говорят. Тот, кто убил Архитектора. — Он сплюнул на землю. — Ну, спасибо тебе за это. Но теперь здесь мои правила.

— Здесь нет правил, — ответил Кай, и его голос прозвучал тихо, но отчётливо. Каждое слово падало в тишину, как камень в воду. — Здесь есть только люди, которым нужна вода. И есть ты, который пытается нажиться на их нужде. Это не правила. Это грабёж.

Гуннар шагнул вперёд, и его цепь сомкнулась плотнее. Теперь они стояли лицом к лицу — бывший шахтёр, возвышавшийся над Каем на целую голову, и бывший инквизитор, чья каменная рука висела мёртвым грузом, но чьи глаза смотрели без тени страха.

— Грабёж? — переспросил Гуннар, и в его голосе прозвучала насмешка. — А что ты сделаешь? Выпишешь мне штраф? Планшета у тебя нет. Арестуешь? Тюрем больше нет. Убьёшь? — Он развёл руками. — Ну давай. Попробуй. Посмотрим, как эти люди, — он кивнул в сторону толпы, — будут смотреть на тебя после того, как ты начнёшь убивать тех, кто просто пытается выжить.

Это был точный удар. Более точный, чем любой физический. Гуннар, сам того не осознавая, нащупал главную слабость Кая — ту самую, которая мучила его с того момента, как Система рухнула. Он не мог принуждать. Не мог наказывать. Не мог быть старым инквизитором, который решал проблемы щелчком пальцев по планшету. Потому что старый инквизитор был частью Системы, которую он сам же и разрушил. И если сейчас он применит силу — ту самую, против которой он боролся, — он станет не лучше Архитектора. По крайней мере, в глазах людей.

Но был и другой путь.

— Ты прав, — произнёс Кай, и его голос прозвучал так спокойно, что Гуннар на мгновение растерялся. — Я не могу тебя арестовать. Не могу выписать штраф. Не могу заставить тебя уйти силой. Но я могу предложить тебе кое-что другое.

Гуннар нахмурился. Он ожидал сопротивления, возможно, даже драки. Но не этого.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты сильный, — продолжил Кай. — Ты и твои люди. Вы привыкли к тяжёлой работе. В новом мире это ценится. Если вы хотите есть и пить, вы можете получить всё это — не грабежом, а трудом. Работайте на лагерь. Помогайте расчищать завалы. Добывайте стройматериалы. Охраняйте периметр от настоящих угроз — от мародёров, от диких тварей, от всего, что может прийти из-за Купола. И вы получите свою долю. Равную со всеми. Без привилегий, но и без унижений.

Гуннар молчал. Его люди переглядывались. Кто-то из них явно колебался — видимо, не всем нравилась роль бандитов. Но Гуннар был не из тех, кто легко сдаётся. Он привык быть лидером — маленьким, жестоким, но лидером — и терять эту власть он не хотел.

— А если я откажусь? — спросил он, и его пальцы сжали трубу крепче.

— Тогда ты уйдёшь, — ответил Кай. — Прямо сейчас. Без воды. Без еды. Без ничего. И можешь попытаться выжить сам — в руинах, где нет ни одного целого дома, ни одного источника воды, кроме этого.

Гуннар посмотрел на Кая, затем на толпу, затем на своих людей. Он оценивал шансы. Драка была возможна — он был сильнее, и его люди, вероятно, были сильнее, — но что потом? Даже если он победит, он останется с контролем над фонтаном, но без поддержки лагеря, без доступа к еде, которую распределяли сектанты, без защиты от внешних угроз. Это была пиррова победа.

И в этот момент из толпы вышли Дрейк и Томас. Дрейк двигался как хищник — бесшумно, плавно, экономя каждое движение. Его аура, видимая Каю, пульсировала сдерживаемой яростью, а мышцы, всё ещё гипертрофированные после лет рабства, были напряжены и готовы к бою. Томас шёл рядом с ним, и его лицо, бледное и осунувшееся, выражало холодную, расчётливую решимость. Он держал в руках короткий клинок — явно найденный где-то в руинах, — и его пальцы, сжимавшие рукоять, побелели от напряжения.

Гуннар перевёл взгляд с Кая на Дрейка — и что-то в его глазах изменилось. Он узнал бывшего аватара. Возможно, слышал о нём. Возможно, просто почувствовал ту особую, опасную грацию, которая была свойственна только тем, кто прошёл через ад и выжил. Как бы то ни было, он понял, что драка с этим человеком будет стоить ему гораздо дороже, чем контроль над фонтаном.

— Хорошо, — произнёс он наконец, и его голос прозвучал с неохотным уважением. — Мы попробуем по-твоему. Но если ты нас обманешь — если мы будем работать, а взамен получим только обещания, — мы вернёмся. И тогда ты нас не остановишь.

— Я не обманываю, — ответил Кай и повернулся к толпе. — Фонтан открыт. Вода доступна всем. Набирайте столько, сколько вам нужно. Никаких платежей. Никакой охраны. Просто вода.

Толпа зашевелилась. Люди, которые только что стояли в страхе, начали подходить к фонтану — сначала неуверенно, с оглядкой на Гуннара и его людей, затем смелее. Они набирали воду в ладони, в бутылки, в любые подручные ёмкости. Кто-то плакал. Кто-то благодарил Кая — тихо, шёпотом, словно боялся, что их услышат. А Гуннар и его люди стояли в стороне и смотрели на это с выражением, которое трудно было расшифровать. Возможно, они впервые за долгое время видели, как работает что-то, кроме грубой силы.

2

Когда толпа рассеялась, и фонтан снова стал просто фонтаном — старым, потрескавшимся, но всё ещё живым, — Кай отошёл в сторону и прислонился спиной к стене уцелевшего здания. Его каменная левая рука оттягивала плечо, причиняя тупую, ноющую боль. Правая

рука всё ещё сжимала сумку Грегора. Он устал — не физически, хотя физическая усталость тоже была, — а как-то иначе. Устал от того, что каждый шаг вперёд давался с таким трудом. Устал от того, что люди, которых он пытался защитить, постоянно испытывали его на прочность. Устал от того, что свобода, оказывается, была не наградой, а испытанием.

— Ты хорошо справился, — раздался голос рядом.

Кай обернулся. Это был Дрейк. Он стоял в нескольких шагах, скрестив руки на груди, и его лицо, покрытое шрамами, было непроницаемым. Но Кай чувствовал — через «слепое зрение», — что его аура пульсирует ровным, спокойным огнём. Не яростью, как раньше, а чем-то иным. Чем-то, что было похоже на удовлетворение.

— Я не справился, — ответил Кай. — Я просто отложил проблему. Гуннар и его люди всё ещё здесь. Они всё ещё хотят власти. Просто сейчас они поняли, что драка им невыгодна. Но это не значит, что они изменились.

— Изменились, — возразил Дрейк. — Не полностью. Но что-то изменилось. Я видел их лица, когда ты говорил. Они ожидали, что ты нападёшь на них. Что ты применишь силу. Что ты будешь действовать так же, как они. А ты не стал. И это их сломало. Не физически — ментально. Они не понимают, как реагировать на того, кто не боится силы и не использует её в ответ. Это делает тебя опасным — более опасным, чем любой меч или заклинание.

Кай ничего не ответил. Он смотрел на Гуннара, который стоял у фонтана и, хмурясь, наблюдал за тем, как его люди набирают воду вместе со всеми. Бывший шахтёр явно чувствовал себя не в своей тарелке. Его мир — мир, где сила решала всё, — только что дал трещину. И он не знал, как на это реагировать.

— Ты заметил его? — спросил Кай, кивая в сторону дальнего конца площади.

Дрейк проследил за его взглядом и нахмурился. Там, у самой границы серой пустоты, стоял Торвальд. Он был один — что само по себе было странно, потому что Торвальд редко появлялся без своих сторонников, — и наблюдал за происходящим с выражением, которое Кай не мог расшифровать. Не угроза. Не одобрение. А скорее... анализ. Словно он записывал каждую деталь, каждое слово, каждый жест в свою память, чтобы потом использовать это.

— Он опасен, — тихо произнёс Дрейк. — Не так, как Гуннар. Гуннар — это грубая сила. Он бросается в драку, не думая. А этот... этот думает. Он ждёт. Он смотрит, как ты решаешь проблемы, и учится. Учится находить слабости. И когда он ударит, это будет не кулаком. Это будет ножом в спину.

— Я знаю, — ответил Кай. — Но сейчас я ничего не могу с ним сделать. Он не нарушал никаких правил — потому что правил нет. Он не угрожал никому — открыто. Он просто стоит и смотрит. Если я попытаюсь выгнать его или арестовать, я докажу, что ничем не отличаюсь от Архитектора. И тогда люди пойдут за ним — не потому, что он лучше, а потому, что я хуже.

— Значит, ты будешь ждать, пока он ударит первым?

— Нет. Я буду строить. Буду создавать что-то, ради чего люди добровольно выберут мой путь, а не его. Если у меня получится, Торвальд станет не опасен. А если нет — тогда он будет прав. И я не заслуживаю того, чтобы вести этих людей.

Дрейк долго молчал, обдумывая его слова. Затем он медленно, словно каждое слово давалось ему с огромным трудом, произнёс:

— Ты странный человек, Кай. Ты мог бы стать тираном. Мог бы захватить власть сразу после смерти Архитектора — и никто бы тебя не остановил. Но ты этого не делаешь. Ты продолжаешь верить, что люди могут быть свободными. Даже сейчас, когда они доказывают обратное.

— Потому что если я перестану верить, — ответил Кай, — тогда Архитектор победил.

Часть II. Источник

3

К полудню весть о том, что в лагере есть вода и относительный порядок, разнеслась по уцелевшим кварталам, и на площадь начали стекаться новые люди. Они выходили из подвалов, из тоннелей, из руин — грязные, измождённые, напуганные. Многие из них не ели уже несколько дней. У некоторых были ожоги — не от огня, а от магических выбросов, случившихся во время «Форматирования». Другие кашляли — сухим, надрывным кашлем, который говорил о том, что они слишком долго дышали пылью и дымом. Но все они искали одного и того же: помощи. Еды. Воды. Безопасности. И смысла. Смысла, который у них отняла Система, исчезнув вместе с Архитектором.

Кай, Лина, Дрейк, Томас и сектанты делали всё, что могли. Они раздавали пайки и воду, организовывали временные убежища, оказывали первую помощь раненым. Но их ресурсы были ограничены. Очень ограничены. Запасы, найденные в «Улье» и в уцелевших складах, таяли с каждым часом. Воды пока хватало — фонтан, питавшийся от подземного родника, давал достаточно, чтобы напоить несколько тысяч человек, — но с едой было хуже. Пайки, спрессованные концентраты, консервы — всего этого оставалось на несколько дней, не больше. А охота и собирательство в городе, половина которого превратилась в серую пустоту, были почти невозможны.

Нужен был новый источник ресурсов. И такой источник нашёлся.

Сообщение принёс один из сектантов Ноль — молодой парень по имени Арик, которого Кай помнил ещё по катакомбам. Он прибежал в лагерь запыхавшийся, с безумным блеском в глазах, и, едва отдышавшись, выпалил:

— Источник! Мы нашли источник! Настоящий магический источник! Он бьёт из земли в старом карьере, в двух километрах к северу отсюда! Там... там столько маны, что воздух светится!

Кай, который в этот момент разговаривал с Линой о распределении припасов, замер. Магический источник. Это было именно то, что им нужно — и именно то, чего он боялся. Мана была ресурсом. Самым ценным ресурсом в мире, где Система больше не распределяла её поровну. Она могла лечить, согревать, защищать. Но она также могла стать причиной войны. Потому что люди, привыкшие к тому, что мана — это просто кнопка на планшете, теперь оказались в мире, где она была ограничена. И тот, кто контролировал источник, контролировал всё.

— Кто ещё знает об этом? — спросил он.

— Никто, — ответил Арик. — Только наша группа. Мы наткнулись на карьер случайно — искали стройматериалы. Мои товарищи остались там, охранять. Но... — он замолчал и отвёл взгляд. — Но там были ещё люди. Не из наших. Они ушли до того, как мы успели с ними поговорить. Я не знаю, кто они и что они видели.

Кай переглянулся с Линой. Её лицо, бледное и осунувшееся, выражало ту же тревогу, которую чувствовал он сам. Если кто-то ещё знал об источнике, это означало только одно: конфликт. Рано или поздно, но конфликт.

— Мы должны идти туда, — произнёс Кай. — Сейчас же. Лина, Дрейк, Томас — со мной. Арик, показывай дорогу. И пусть Ноль тоже знает. Это касается всех.

4

Карьер находился на северной окраине Пепельной Воронки, в месте, которое Кай помнил по старым картам, но никогда не патрулировал. Это была огромная воронка в земле — не природная, а рукотворная, вырытая десятилетия назад, ещё до Войны Интеграции, для добычи руды и камня. После войны карьер был заброшен и постепенно превратился в свалку — туда сбрасывали всё, что не могли переработать: обломки зданий, ржавые трубы, остатки автоматов. Но сейчас, когда «Форматирование» уничтожило большую часть новых построек, карьер снова открылся — и вместе с ним открылось то, что находилось под ним.

Магический источник.

Они шли около получаса по разрушенным улицам, огибая зоны серой пустоты. Теперь, когда Кай знал, на что смотреть, он замечал эти зоны сразу — по тому особому, метафизическому холоду, который исходил от них, по отсутствию запахов и звуков, по тому, как свет в них преломлялся неестественно, словно проходил сквозь воду. Серые зоны были неподвижны — «Форматирование» остановилось, — но от этого они не становились менее жуткими. Напротив, их неподвижность пугала больше, чем движение. Движение подразумевало жизнь, пусть и враждебную. Неподвижность же была абсолютной, окончательной, как смерть.

Когда они добрались до карьера, солнце уже перевалило за полдень и начало клониться к западу. Его лучи, косые и золотистые, освещали край карьера, отбрасывая длинные тени на ржавые конструкции подъёмных кранов, которые, словно скелеты доисторических чудовищ, возвышались над провалом. Воздух здесь был другим — он вибрировал. Не физически, а на каком-то более глубоком уровне, который Кай ощущал через «слепое зрение». Такой воздух бывает только в местах, где мана выходит на поверхность — сырая, нефильТРованная, дикая. Не та мана, которую Система очищала и расфасовывала по лицензиям. Настоящая мана. Мана мира, который они почти потеряли.

— Святая Пустота, — прошептал Томас, подходя к краю карьера и заглядывая вниз.

То, что они увидели, было прекрасным и пугающим одновременно. На дне карьера, среди груд камней и ржавого металла, бил источник. Он не был похож на фонтан или родник — скорее, на трещину в самой ткани реальности, из которой вырывался свет. Не бледно-голубой, как магия Системы, а переливающийся всеми цветами спектра — от глубокого фиолетового до ослепительно-белого. Этот свет пульсировал, как сердце, и с каждым ударом по воздуху расходились волны тепла и энергии. Вокруг источника уже собрались люди — сектанты Арика, которые нашли это место. Они стояли полукругом, держась на почтительном расстоянии, и смотрели на источник с благоговением и страхом.

— Сколько здесь маны? — спросила Лина, активируя свой портативный монитор. Её механическая рука загудела, перерабатывая данные, а красная линза завращалась, сканируя

местность. — Я никогда не видела таких показателей. Даже в серверном зале Башни, рядом с Ядром, концентрация была ниже.

— Очень много, — ответил Кай, и его голос прозвучал тихо и мрачно. — Слишком много.

Он активировал «слепое зрение» на полную мощность — и мир изменился. Теперь он видел не просто свет, не просто энергию, а структуру. Источник был не хаотичным — он был организованным. Словно под землёй, на огромной глубине, находилось что-то, что направляло ману, придавало ей форму. Это не было творением Архитектора — Кай знал все его протоколы и не чувствовал здесь ни одного из них. Это было творением кого-то другого. Или, возможно, самой земли. Первозданная магия, которую люди когда-то умели использовать, но потом разучились.

— Это источник, — произнесла Ноль.

Кай обернулся. Она стояла в нескольких шагах позади — беззвучно, как всегда. Её лицо, скрытое за чёрной лентой, было обращено к источнику, и в её позе было что-то новое. Что-то, чего Кай раньше не видел. Не напряжение и не настороженность, а скорее... узнавание. Словно она видела это раньше. Или, возможно, чувствовала.

— Откуда ты знаешь? — спросил он.

— Я чувствую его, — ответила Ноль, и её голос прозвучал тихо, почти благоговейно. — Такой же источник был в нашем первом убежище, когда я была ребёнком. До того, как Архитектор нашёл нас и уничтожил его. Он давал нам силу. Исцелял раны. Позволял колдовать без лицензий. Мы называли его «Сердцем Земли». — Она замолчала и повернулась к Каю. — Этот источник — дар. Дар, который Архитектор пытался уничтожить, но не смог. И теперь он принадлежит всем нам.

— Всем, — медленно повторил Кай. — Это ключевое слово. Всем. Не одной группе. Не тем, кто сильнее. Всем.

Ноль нахмурилась — едва заметно, но Кай уловил это через «слепое зрение».

— Ты говоришь о правилах, — произнесла она, и в её голосе прозвучала тень недовольства. — О контроле. О распределении.

— Я говорю о выживании, — ответил Кай. — Этот источник — не бесконечен. Посмотри на него, Ноль. Посмотри внимательно. У него есть ритм. Пульсация. Это значит, что он живой, а живое можно истощить. Если каждый, кто захочет, будет черпать из него без меры, он умрёт. Не через год — через неделю. И тогда мы потеряем его навсегда.

— Ты не знаешь этого, — возразила Ноль.

— Я знаю, — вмешалась Лина, не отрываясь от монитора. — Я только что закончила анализ. Источник цикличен. Он выдаёт определённое количество маны в единицу времени — примерно двести единиц в час, если переводить в старые метрики Системы. Если потребление превышает эту цифру, источник начинает истощаться. Пока он полон — вероятно, он накап-

ливал энергию все те годы, пока был погребён под свалкой. Но если его начнут использовать бесконтрольно, он иссякнет. Мои модели показывают: при свободном доступе для всех, кто сейчас в лагере, источник продержится не больше десяти дней.

— Десять дней, — повторил Дрейк, и его голос прозвучал мрачно. — А потом?

— А потом он станет просто трещиной в земле, — ответила Лина. — Без маны. Без света. Без всего.

В карьере воцарилась тишина. Люди, которые до этого стояли вокруг источника, начали перешёптываться. Кто-то выглядел испуганным, кто-то — скептическим. Но большинство просто ждали. Ждали, что скажет Кай. Или Ноль. Или кто-то ещё, кто возьмёт на себя ответственность.

5

И тогда заговорила Ноль. И её слова стали тем самым камнем, который вызвал лавину.

— Значит, ты предлагаешь ограничить доступ, — произнесла она, и её голос прозвучал холодно и прямо. Без угрозы, но и без тепла. — Ты предлагаешь создать правила. Квоты. Расписания. Может быть, даже лицензии — только теперь они будут называться по-другому. Может быть, «разрешения». Или «допуски». Но суть та же: кто-то будет решать, кто получит ману, а кто нет. Кто-то будет стоять у источника и говорить: «Ты можешь пройти, а ты — нет». — Она повернулась к Каю, и её лицо, скрытое за чёрной лентой, было непроницаемым, но голос звучал всё громче, всё резче. — Ты говоришь, что борешься за свободу. Но то, что ты предлагаешь — это новая Система. Может быть, более мягкая. Может быть, более справедливая. Но всё равно Система. С правилами, которые кто-то пишет. С контролем, который кто-то осуществляет. С властью, которую кто-то держит в руках. И этот кто-то, Кай, — ты.

— Это неправда, — возразил Кай, и его голос прозвучал спокойно, но в нём уже слышались стальные нотки. — Я не предлагаю контролировать людей. Я предлагаю защитить ресурс, от которого зависят все. Это не одно и то же.

— Это одно и то же! — резко ответила Ноль, и в её голосе прозвучала ярость — та самая, которую она сдерживала все эти дни. — Потому что каждое правило начинается с благих намерений! Архитектор тоже начинал с защиты! Он тоже говорил, что люди не готовы к свободе, что им нужен кто-то, кто будет принимать за них решения! И посмотри, к чему это привело! К кристаллам! К «Мёртвой руке»! К восьми тысячам в секторе 7-Дельта! Ты действительно думаешь, что ты особенный? Что ты не повторишь его путь? Что власть не развратит тебя так же, как она развратила его?

— Я не Архитектор, — ответил Кай, и его голос прозвучал тихо, но весомо. — И я не стремлюсь к власти.

— Ты уже у власти! — выкрикнула Ноль, и её голос эхом разнёсся по карьере. — Ты стоишь здесь, и люди смотрят на тебя! Они ждут, что ты скажешь им, что делать! Ты уже стал их лидером — нравится тебе это или нет! И теперь ты предлагаешь им правила. Ограничения. Контроль. То, против чего мы боролись все эти годы! — Она замолчала и перевела дух. Её плечи дрожали — не от страха, а от напряжения. Затем она продолжила, тише, но с той же

яростью: — Я не позволю этому случиться. Я не допущу, чтобы наша победа превратилась в новую тюрьму. Если ты хочешь ограничивать доступ к источнику — делай это без меня. И без моих людей.

В карьере воцарилась тишина. Такая глубокая, что было слышно, как пульсирует источник. Кай смотрел на Ноль — на женщину, которая была его союзником, его совестью, его напоминанием о том, ради чего они боролись, — и чувствовал, как внутри него разрастается холодная, свинцовая тяжесть. Она была права — в одном. Власть действительно развращала. И он действительно стоял на грани того, чтобы стать тем, с чем боролся. Но она была неправа в другом: без правил, без ограничений, без какого-либо порядка свобода превращалась в хаос. И этот хаос погубил бы их всех быстрее, чем любой Архитектор.

— Ноль, — тихо произнёс он, и его голос прозвучал не как приказ, не как аргумент, а как просьба. — Ты видела, что случилось сегодня утром у фонтана. Люди пытались силой захватить то, что принадлежит всем. Если мы не установим никаких правил, это повторится и здесь. Только масштаб будет другим. Не вода, а мана. Не металлическая труба, а заклинания. И тогда погибнут люди. Много людей.

— Тогда пусть погибнут! — резко ответила Ноль, и в её голосе прозвучала такая боль, такая ярость, такое отчаяние, что Кай на мгновение замер. — Пусть! Потому что смерть от своей собственной глупости — это всё ещё свобода! Смерть от своей собственной ошибки — это выбор! А смерть от чужого приказа — это рабство! Я предпочитаю первое!

— Ты говоришь о смерти других людей, — медленно произнёс Кай, и его голос прозвучал холодно и жёстко. — О смерти тех, кто не хочет погибать. О смерти детей, которые ждут в лагере. О смерти Шныря, который верит в нас. Ты говоришь о них как о приемлемых потерях. Так же, как говорил Архитектор.

Это был удар ниже пояса. Кай знал это. Знал, что сравнение с Архитектором было несправедливым — Ноль никогда не убивала людей, никогда не порабощала их, никогда не превращала в батарейки. Но он также знал, что это сравнение было единственным, что могло пробить её броню. Потому что Ноль, как и он сам, боялась одного: превратиться в то, с чем она боролась.

И это сработало. Но не так, как он ожидал.

Ноль замерла. Её лицо, скрытое за чёрной лентой, было непроницаемым, но Кай чувствовал — через «слепое зрение», — что её аура, обычно спокойная и ровная, вспыхнула болью. Не гневом. Не яростью. А именно болью. Болью от того, что человек, которому она доверяла, только что сравнил её с её злейшим врагом.

— Ты прав, — тихо произнесла она, и её голос прозвучал глухо и безжизненно. — Я говорю о смерти. Но я не радуюсь ей. Я просто принимаю её как цену свободы. А ты — ты хочешь свободы без цены. Ты хочешь, чтобы все были свободны и при этом чтобы никто не пострадал. Это невозможно, Кай. Свобода всегда стоит дорого. И платить эту цену должен каждый сам. А не кто-то, кто решил за них.

Она повернулась и пошла прочь от источника. Её сектанты — те, кто стоял рядом, — последовали за ней. Не все: Арик и несколько других остались на месте, явно колеблясь. Но большинство ушло. Ушло вместе с ней, растворившись в тенях старого карьера.

Кай смотрел им вслед и чувствовал, как внутри него что-то обрывается. Что-то важное. Что-то, что связывало его с Ноль и с теми, кто верил в неё. Это не был разрыв — пока. Но это была трещина. И он знал, что такие трещины имеют свойство расширяться.

Часть III. Мародёры

6

Они остались в карьере — Кай, Лина, Дрейк, Томас и несколько сектантов, которые не ушли с Ноль. Солнце уже начало клониться к закату, и длинные тени от ржавых кранов протянулись через весь карьер, как пальцы мёртвого великана. Источник продолжал пульсировать, и его свет становился всё ярче по мере того, как сгущались сумерки. В этом свете было что-то успокаивающее — словно сам источник пытался сказать им, что всё будет хорошо, что они на правильном пути.

Но Кай знал, что это не так.

— Что будем делать? — спросил Дрейк, нарушая молчание. Его голос прозвучал глухо и безжизненно — так говорят солдаты после неудачного боя. — Ноль ушла. Её сектанты — наша основная рабочая сила — ушли с ней. У нас осталось около двадцати человек здесь и ещё, может быть, пятьдесят в лагере. Этого недостаточно, чтобы защитить источник.

— Защитить от кого? — спросил Томас, и его голос, тонкий и мальчишеский, прозвучал напряжённо.

— От всех, — ответил Дрейк. — От мародёров, которые уже кружат вокруг, как стервятники. От Гуннара и его людей, которые только и ждут момента, чтобы взять реванш. От Торвальда, который наверняка уже знает об источнике и планирует, как его захватить. И, возможно, от самой Ноль, если она решит, что мы стали врагами.

— Ноль не станет сражаться против нас, — возразил Томас, но в его голосе не было уверенности.

— Ноль будет сражаться за то, во что верит, — произнёс Кай, и его голос прозвучал тихо и устало. — А сейчас она верит, что мы предали идеалы революции. И если она решит, что мы — новая Система, она будет сопротивляться нам так же, как сопротивлялась Архитектору. Это её природа. Это то, что делало её нашим лучшим союзником — и то, что может сделать её нашим самым опасным противником.

В карьере снова воцарилась тишина. Каждый думал об одном и том же: как они дошли до этого? Ещё вчера они были едины — победители Архитектора, освободители города, герои. А сегодня они стояли на грани гражданской войны. И причиной был не внешний враг, не мародёры, не Торвальд. Причиной был старый, как мир, вопрос: как распорядиться свободой?

— Я не верю, что мы предали революцию, — тихо произнесла Лина, не отрываясь от монитора. — Мы просто поняли, что свобода — это не конец пути. Это начало. И как любое начало, она требует решений. Трудных решений. Тех самых, которые Ноль не хочет принимать. — Она подняла взгляд на Кая, и её красная линза замерла. — Ты правильно говорил. Без правил источник умрёт. Если мы не установим хотя бы минимальный контроль, через десять дней от него останется только воспоминание. И тогда свобода кончится — не потому, что её кто-то отнял, а потому, что она сама себя уничтожила.

— Но как нам установить контроль, не становясь Системой? — спросил Томас, и это был вопрос, который мучил всех. — Как нам защитить источник, не превращаясь в тюремщиков?

Кай задумался. Он вспоминал всё, чему его учили за годы службы. Инструкции. Протоколы. Методы принуждения. И он понимал, что ни один из этих методов не годится. Ему нужно было что-то новое — что-то, чего не было ни в одной инструкции. Что-то, что не требовало бы страха, но обеспечивало бы порядок.

— Мы не будем контролировать людей, — произнёс он наконец. — Мы будем контролировать только источник. Доступ к нему будет свободным, но ограниченным по времени. Каждый человек сможет прийти и взять столько маны, сколько ему нужно для жизни — для отопления, для лечения, для базовых нужд. Но если кто-то захочет использовать ману для масштабных проектов — для строительства, для защиты, для исследований — он должен будет согласовать это с советом.

— С каким советом? — спросил Дрейк.

— С тем, который мы создадим. Не из тех, кто хочет власти. А из тех, кому доверяют люди. Из представителей всех групп — бывших инквизиторов, сектантов, гражданских. Совет будет решать, как распределять крупные запасы маны. Но личное потребление останется свободным. Никаких лицензий. Никаких разрешений. Только учёт.

— Учёт, — повторила Лина, и в её голосе прозвучала тень усмешки. — Ты говоришь как настоящий бюрократ.

— Я говорю как человек, который видел, что случается, когда ресурсы не учитываются, — ответил Кай. — Мы не можем позволить себе роскошь бездумного потребления. Не сейчас. Может быть, через год, когда мы наладим быт, когда найдём другие источники, когда восстановим фермы и мастерские. Но сейчас мы на грани выживания. И каждый литр маны на счету.

Его слова были встречены молчанием — но это было не hostile молчание, не молчание несогласия. Это было молчание людей, которые обдумывали услышанное. Даже Дрейк, который всегда был скептиком, медленно кивнул.

— Это может сработать, — произнёс он. — Если мы сможем объяснить это людям. Если они поймут, что это не новая тюрьма, а способ выжить.

— Мы объясним, — ответил Кай. — Завтра. Сегодня у нас другая задача: защитить источник от тех, кто не будет ждать объяснений.

7

Ночь опустилась на карьер быстро — как это всегда бывает в местах, где нет искусственного освещения. Звёзды высыпали на небе, и их свет, смешиваясь с пульсирующим сиянием источника, создавал странное, сюрреалистическое освещение: всё вокруг казалось одновременно реальным и нереальным, как во сне. Кай сидел на обломке ржавого крана и смотрел на лагерь, разбитый у подножия карьера. Дрейк и Томас расставили посты по периметру — людей было мало, но они держались. Лина работала за своим монитором, продолжая анализировать структуру источника. Рядом с ней сидел Арик и ещё несколько сектантов, которые остались.

Они были тихими и подавленными — уход Ноль явно повлиял на них сильнее, чем они хотели показать.

Кай думал о Ноль. О её словах. О её ярости. О её боли. Она была права — во многом. Любое правило, любое ограничение, любое подобие порядка несло в себе зародыш будущей тирании. Это было правдой. Но она была неправа в том, что отсутствие правил автоматически означало свободу. Потому что свобода без ответственности — это свобода для сильных угнетать слабых. Свобода для Гуннара захватить фонтан. Свобода для Торвальда построить новую иерархию. Свобода для мародёров, которые — Кай был уверен — уже знали об источнике и готовили атаку.

Мародёры не заставили себя ждать.

Они появились около полуночи — бесшумно, как тени. Кай почувствовал их через «слепое зрение» за несколько минут до того, как первый из них показался на краю карьера. Их ауры были тусклыми и рваными — ауры людей, которые долгое время жили в страхе и жестокости и теперь не знали другого способа существования. Их было около тридцати человек. Они были вооружены — кто-то металлическими трубами, кто-то ножами, кто-то самодельными магическими жезлами, собранными из обломков автоматов. Во главе их шёл человек, которого Кай не видел раньше, — высокий, худой, с лицом, покрытым ритуальными шрамами. Он двигался как хищник — пригнувшись, экономя каждое движение, и его глаза, отражавшие свет источника, горели холодным, безжалостным огнём.

— К бою! — крикнул Дрейк, и его голос, усиленный акустикой карьера, разнёсся по всему лагерю. — К бою! Мародёры!

Сектанты вскочили на ноги. Томас схватил свой короткий клинок и встал рядом с Дрейком. Лина активировала защитные механизмы на своей механической руке, и из её предплечья выдвинулся небольшой ствол — тот самый, который она rarely использовала, потому что он расходовал слишком много энергии. Кай поднялся на ноги и вышел вперёд.

— Стоять! — крикнул он, и его голос, сорванный и хриплый, но всё ещё властный, разнёсся по карьере. — Кто вы и что вам нужно?

Человек со шрамами остановился на краю карьера и посмотрел вниз. Его губы изогнулись в холодной, безжалостной усмешке.

— Моё имя — Рейн, — произнёс он, и его голос, низкий и скрипучий, эхом разнёсся по карьере. — Я — лидер «Истинно Свободных». Тех, кто не признаёт ничьей власти — ни Архитектора, ни твоей, ни кого-либо ещё. Мы пришли за источником. Он принадлежит всем — и мы возьмём из него столько, сколько захотим. Если вы попытаетесь нам помешать, мы уничтожим вас.

— Источник принадлежит всем, — ответил Кай, и его голос прозвучал спокойно и твёрдо. — Именно поэтому мы не можем позволить вам бесконтрольно вычерпывать его. Если вы возьмёте слишком много, он иссякнет. И тогда его не будет ни у кого.

— Это не твоя забота! — крикнул кто-то из людей Рейна. — Ты не можешь указывать нам, что делать!

— Я не указываю, — ответил Кай, и его голос набирал силу. — Я предлагаю. Присоединяйтесь к нам. Берите ману — столько, сколько вам нужно для выживания. Но не более того. Если вам нужно больше для общего дела — приходите в совет, и мы решим это вместе. Это не приказ. Это просьба. Просьба от тех, кто так же, как и вы, хочет выжить и построить новый мир.

Рейн молчал. Его лицо, покрытое шрамами, было непроницаемым, но Кай чувствовал — через «слепое зрение», — что его аура колеблется. Он не был тупым бандитом, как Гуннар. Он был фанатиком — человеком, который искренне верил в свою правоту. И это делало его более опасным, но также и более уязвимым. Потому что фанатику можно было противопоставить только другую веру.

— Красивые слова, — произнёс Рейн наконец. — Но я слышал их раньше. Архитектор тоже говорил о порядке и общем благе. А потом он превращал людей в батарейки. — Он шагнул вперёд, и его люди двинулись за ним. — Мы не будем слушать тебя. Мы возьмём то, что наше. А если ты попытаешься остановить нас — умрёшь вместе со своими правилами.

И тогда началась битва.

8

Мародёры атаковали сразу с нескольких сторон. Они действовали быстро и слаженно — было видно, что они привыкли к таким рейдам. Одни стреляли из самодельных жезлов — лучи сырой, нефильтрованной маны рассекали воздух, оставляя за собой запах озона и обожжённого камня. Другие, вооружённые трубами и ножами, бросились в ближний бой, целясь в сектантов, которые охраняли периметр. Третьи, включая самого Рейна, двигались прямо к источнику. Их целью было не победить в драке, а захватить ресурс.

Дрейк встретил первую волну атакующих. Его кулаки, всё ещё сохранявшие остаточную силу аватара, сминали кости и металл. Он двигался как машина смерти — бесшумно, плавно, безжалостно. Каждый удар достигал цели, каждое уклонение было рассчитано до миллиметра. Рядом с ним сражался Томас — его короткий клинок мелькал в свете источника, отражая удары и нанося ответные. Молодой сектант больше не выглядел испуганным мальчиком. Он был солдатом — закалённым в боях с Архитектором, потерявшим брата и нашедшим его вновь, готовым умереть за то, во что верил.

Лина вела огонь с возвышения. Её ствол, встроенный в механическую руку, плевался короткими, точными очередями, и каждый выстрел находил цель. Она целилась не в головы и не в сердца — она стреляла по оружию, выбивая жезлы из рук, и по ногам, заставляя мародёров падать, но не убивая их. Потому что даже сейчас, в разгар боя, она помнила слова Кая: они не должны становиться убийцами.

Кай стоял у самого источника. Он не сражался — его каменная левая рука делала его почти бесполезным в ближнем бою, а использовать магию он не хотел, потому что это потребовало бы черпать из того самого источника, который он пытался защитить. Вместо этого он использовал другое оружие — слово.

— Рейн! — крикнул он, и его голос, усиленный акустикой карьера, перекрыл шум боя. — Остановись! Посмотри на своих людей — они умирают! Ради чего? Ради маны, которая

иссякнет через неделю, если ты победишь? Ради свободы, которая превратится в хаос, как только мы все ослабнем настолько, что не сможем защищаться от внешних угроз? Это то, чего ты хочешь?

Рейн, который уже почти достиг источника, остановился. Его лицо, покрытое шрамами, было искажено яростью, но в глазах — глубоко внутри — мелькнуло что-то похожее на сомнение.

— Ты не понимаешь! — крикнул он в ответ. — Ты никогда не был по-настоящему свободен! Ты был инквизитором! Ты служил Системе! А мы — мы боролись против неё с самого начала! Мы прятались в катакомбах, когда ты выписывал штрафы! Мы теряли друзей и близких, когда ты арестовывал нелегалов! И теперь ты хочешь указывать нам, что делать? Ты, кто был частью машины угнетения? Да кто ты такой?!

Кай замолчал. Слова Рейна ударили его сильнее, чем любой магический разряд. Потому что они были правдой. Он действительно был частью Системы. Действительно выписывал штрафы. Действительно арестовывал невинных. И эта вина — та самая, которую он носил в себе с момента падения Башни, — никуда не делась. Она была здесь, тяжёлая и холодная, как его каменная левая рука.

— Ты прав, — произнёс он, и его голос прозвучал тихо, но отчётливо. — Я был частью Системы. Я делал ужасные вещи. Я не могу этого изменить. Но именно поэтому я знаю, о чём говорю. Я видел, как работает угнетение — изнутри. Я видел, как благие намерения превращаются в тиранию. И я поклялся, что больше никогда не допущу этого. Ни для себя, ни для других. Вот почему я здесь. Не для того, чтобы указывать тебе, что делать. А для того, чтобы предложить тебе другой путь. Путь, на котором ты сам решаешь — но решаешь с учётом других. С учётом тех, кто слабее. С учётом тех, кто придёт после тебя.

Рейн колебался. Бой вокруг них начал затихать — часть мародёров была обезврежена, часть отступила, видя, что их лидер остановился. Дрейк и Томас замерли, ожидая развязки. Лина опустила ствол. Даже источник, казалось, пульсировал медленнее — словно сама мана ждала, какое решение примут люди.

И тогда случилось то, чего никто не ожидал.

9

Один из мародёров — молодой парень, почти мальчик, с лицом, покрытым грязью и кровью, — бросился вперёд. Не к Каю, не к Дрейку, а прямо к источнику. В его руке был самодельный жезл, перегруженный маной до предела — видимо, он собирался выстрелить из него, но то ли от страха, то ли от неумения потерял контроль. Жезл взорвался.

Вспышка осветила карьер, как молния. Ударная волна отбросила всех, кто стоял рядом — сектантов, мародёров, даже самого Рейна. Парень с жезлом исчез в ослепительной вспышке — не умер, а именно исчез, как исчезали люди во время «Форматирования». Его тело превратилось в свет, в чистую, неконтролируемую ману, которая, соединившись с источником, вызвала цепную реакцию.

Источник взревел. Его пульсация, до этого ровная и спокойная, стала хаотичной, бешеной. Из трещины в земле вырвался столб света — не того, разноцветного, который они видели раньше, а ослепительно-белого, горячего, как поверхность солнца. Этот столб ударил в небо и на мгновение осветил весь карьер, все руины, всех людей.

Кай, не думая, бросился вперёд. Он активировал «слепое зрение» на полную мощность и увидел то, чего не видел раньше: структура источника была повреждена. Взрыв жезла нарушил хрупкий баланс, и теперь мана, веками копившаяся под землёй, вырывалась наружу неконтролируемым потоком. Если этот поток не остановить, через несколько секунд он выжжет всё живое в радиусе километра. А через несколько минут — иссякнет навсегда.

Кай сделал единственное, что мог: он использовал свой «нуль». Ту самую пустоту, которая открылась в нём после сожжения жетонов. Пустоту, которая была за пределами Системы, за пределами протоколов, за пределами обычной магии. Он встал между источником и людьми, раскинул руки — живую правую и каменную левую — и принял поток на себя.

Это было похоже на то, как если бы он попытался остановить водопад. Мана, дикая и неконтролируемая, хлынула в него, заполняя пустоту, расширяя её до предела, заставляя вибрировать каждую клетку его тела. Боль была невыносимой — не физической, а какой-то иной, метафизической. Боль от того, что его «нуль», который был его сутью, его защитой, его личностью, пытались заполнить чем-то чуждым. Он чувствовал, как его сознание расширяется, как границы его «я» размываются, как он перестаёт быть собой и становится... становится ничем.

Но он держался. Потому что позади него были люди. Его друзья. Его соратники. И он не мог позволить им умереть.

Прошло несколько секунд — или, возможно, вечностей. Поток маны начал ослабевать. Источник, лишившись избытка энергии, снова стал стабильным — пульсирующим ровно и спокойно, как раньше. Столб света исчез, и карьер снова погрузился в темноту, нарушаемую только мягким сиянием трещины в земле.

Кай упал на колени. Его тело дрожало, и каменная левая рука, которая только что висела мёртвым грузом, стала невыносимо тяжёлой. Правая рука, которой он опирался о землю, тряслась так, что он едва мог удержать равновесие. Перед глазами плыли золотые пятна. Он слышал голоса — Лина звала его, Дрейк что-то кричал, Томас бежал к нему, — но они доносились как сквозь толщу воды.

— Кай! — Лина опустилась на колени рядом с ним и схватила его за плечо. — Ты жив? Скажи что-нибудь!

— Я в порядке, — прохрипел он, хотя это было неправдой. Его тело было истощено до предела. Но он был жив. И источник был цел.

Рядом с ними, на земле, сидел Рейн. Его лицо, покрытое шрамами, было бледным, и в глазах, которые только что горели яростью, теперь стоял ужас. Он видел, что произошло. Видел, как Кай пожертвовал собой — или, по крайней мере, рисковал жизнью, — чтобы спасти всех: и своих, и мародёров.

— Зачем? — прошептал он, и его голос дрожал. — Зачем ты это сделал?

Кай поднял голову и посмотрел на него. Его лицо, бледное и покрытое каплями пота, выражало не торжество, не гнев, а только усталость. Бесконечную, всепоглощающую усталость.

— Потому что это моя работа, — ответил он. — Защищать людей. Всех людей. Даже тех, кто пытается меня убить.

Рейн долго молчал, глядя на Кая. Затем он медленно, словно каждое движение давалось ему с огромным трудом, опустился на колени и склонил голову.

— Я был неправ, — произнёс он, и его голос прозвучал глухо и безжизненно. — Свобода — это не просто делать всё, что хочешь. Свобода — это когда кто-то готов умереть за тебя, даже если ты этого не заслуживаешь. — Он поднял голову и посмотрел на Кая. — Научи нас. Научи, как жить по-твоему. Мы будем слушать.

Часть IV. Последствия

10

Они вернулись в лагерь глубокой ночью. Кай шёл с трудом — его тело, истощённое до предела, отказывалось служить. Лина поддерживала его справа, подставив плечо, и её механическая рука, обычно холодная и безжизненная, казалась почти тёплой. Дрейк шёл слева, готовый подхватить Кая, если тот упадёт. Томас и Арик вели колонну мародёров — тех, кто выжил и согласился присоединиться к лагерю. Рейн шёл впереди, и его лицо, покрытое шрамами, было мрачным и задумчивым.

У входа в лагерь их встретила Ноль. Она стояла у фонтана, скрестив руки на груди, и её лицо, скрытое за чёрной лентой, было непроницаемым. Но Кай чувствовал — через «слепое зрение», — что её аура пульсирует от противоречивых эмоций. Она знала о том, что произошло в карьере — слухи распространялись быстро. И теперь она ждала его.

Кай остановился перед ней. Они стояли друг напротив друга — бывший инквизитор и безглазая предводительница сектантов, — и между ними висела тишина, тяжёлая и напряжённая, как перед грозой.

— Ты рисковал жизнью ради тех, кто хотел тебя убить, — произнесла Ноль, и её голос прозвучал глухо и безжизненно.

— Да, — ответил Кай.

— Это было глупо.

— Возможно.

— Но это сработало.

— Да.

Ноль долго молчала, обдумывая его слова. Затем она медленно, словно каждое слово давалось ей с огромным трудом, произнесла:

— Я всё ещё не согласна с тобой. Я всё ещё считаю, что правила — это скользкий путь, который ведёт к тирании. Но я также видела, как ты использовал свою власть — не для того, чтобы приказывать, а для того, чтобы защищать. Не для того, чтобы наказывать, а для того, чтобы спасать. И я... я не могу игнорировать это. — Она замолчала и перевела дух. — Я не уйду из лагеря. Мои люди останутся. Мы будем работать вместе — но мы будем наблюдать за тобой. И если ты хоть на шаг отклонишься от пути свободы, мы напомним тебе, ради чего мы боролись.

— Это справедливо, — ответил Кай. — Я и не просил о большем.

Ноль кивнула и отошла в сторону, пропуская их в лагерь. Но когда Кай проходил мимо неё, она тихо добавила — так тихо, что только он мог услышать:

— Ты меняешься, Кай. Раньше ты был инквизитором. Потом — революционером. Теперь ты становишься... кем-то ещё. Кем-то, кого я не могу понять до конца. Но, возможно, это и к лучшему. Потому что мир, который мы строим, нуждается не в тех, кто даёт простые ответы. А в тех, кто задаёт трудные вопросы.

Кай ничего не ответил. Он просто кивнул и пошёл дальше, опираясь на плечо Лины.

11

Поздней ночью, когда лагерь уснул, Кай снова сидел на обломке стены и смотрел на звёзды. Рядом с ним, как всегда, была Лина. Её механическая рука была отключена, красная линза погашена. Она просто молча сидела и смотрела на небо.

— Ты сегодня чуть не умер, — тихо произнесла она наконец.

— Я знаю, — ответил Кай.

— Ты специально это делаешь? Подставляешь себя под удар каждый раз, когда ситуация становится критической?

— Нет. Это просто... происходит.

Лина вздохнула и покачала головой.

— Ты невозможный человек, Кай. Ты был невозможным инквизитором, ты был невозможным революционером, и теперь ты невозможный лидер. Ты не умеешь отдавать приказы, не умеешь манипулировать людьми, не умеешь наслаждаться властью. Вместо этого ты каждый раз лезешь в самое пекло и каким-то чудом выживаешь. — Она замолчала и посмотрела на него — на его бледное, измождённое лицо, на каменную левую руку, на сумку Грегора, которую он всё ещё сжимал в правой. — Ты знаешь, почему я пошла за тобой? Тогда, в участке? Когда всё это только начиналось?

— Почему?

— Потому что ты был единственным инквизитором, который сомневался. Который задавал вопросы. Который не просто выполнял приказы, а думал. И я поняла: если кто-то и сможет изменить этот мир, то это ты. Не потому, что ты самый сильный или самый умный. А потому, что ты не боишься ошибаться. И не боишься признавать свои ошибки.

Кай долго молчал, обдумывая её слова. Затем он медленно, словно каждое слово давалось ему с огромным трудом, произнёс:

— Я боюсь, Лина. Каждый день. Боюсь, что приму неправильное решение. Боюсь, что люди погибнут из-за меня. Боюсь, что я стану новым Архитектором — и даже не замечу этого.

— Именно поэтому ты им не станешь, — ответила Лина. — Потому что Архитектор никогда не боялся. Он всегда был уверен в своей правоте. А ты сомневаешься. И пока ты сомневаешься, у нас есть шанс.

Она встала и направилась к своему месту у фонтана, но на полпути остановилась и обернулась.

— Кстати, — добавила она, и в её голосе прозвучала тень усмешки, — если ты ещё раз попытаешься умереть, спасая кого-то, я тебя лично воскрешу и убью снова. Так что даже не думай.

Кай слабо усмехнулся — впервые за долгое время.

— Постараюсь, — ответил он.

Лина кивнула и ушла. Кай остался один — с тяжёлыми мыслями о будущем, но с чуть более лёгким сердцем. Впереди были новые испытания. Новые конфликты. Новые решения, которые ему придётся принимать. Но сейчас, в этот момент, он позволил себе просто сидеть и смотреть на звёзды. Просто чувствовать, что он жив. Просто верить, что завтра будет новый день.

И что у него хватит сил встретить его.

Конец главы

Глава 2. Хаос без правил

Часть I. Точка невозврата

I

Утро седьмого дня после битвы у источника началось не с криков, не с драки и не с дождя, который обещали вчера облака, но так и не пролили. Оно началось с тишины — той особой, тягучей тишины, которая наступает, когда люди перестают верить, что их услышат. Кай проснулся на своём обычном месте, на обломке стены у фонтана, и первые несколько секунд просто лежал, глядя в небо. Оно было серым, затянутым низкими облаками, и где-то далеко, на востоке, глухо рокотал гром. Гроза собиралась уже второй день, но не прорывалась — словно сама природа не могла решить, хочет ли она обрушить на город очистительный ливень или оставить его задыхаться в пыли и зное.

Его каменная левая рука, как всегда, лежала на груди мёртвым грузом. За ночь она остыла настолько, что ткань рубашки вокруг неё покрылась инеем — мелким, колючим, который таял от тепла тела и оставлял влажные разводы. Кай уже привык к этому. Привык просыпаться с ощущением, что половина его тела принадлежит не ему, а какому-то древнему, безразличному ко всему существу из обсидиана и холода. Он поднял правую руку и разжал пальцы — сумка Грегора, которую он сжимал во сне, упала на колени. Он посмотрел на неё, потом на свою ладонь, на которой отпечатался след от шнурка, глубокий и красный, как клеймо. «Ты держишься за мёртвого, — сказала ему Лина позавчера. — Это нормально. Но не дай этому парализовать тебя». Он не ответил ей тогда. Он не знал, что ответить.

Площадь вокруг фонтана изменилась за неделю. Изменилась не физически — те же обломки, те же кострища, те же рваные тенты, натянутые между уцелевшими стенами, — а как-то иначе. Неуловимо. Как меняется лицо больного, когда болезнь переходит из острой фазы в хроническую. Людей стало меньше. Не настолько, чтобы это бросалось в глаза при первом взгляде, но достаточно, чтобы Кай, привыкший считать всех, кто приходил в лагерь, заметил пустоты. Семьи, которые ещё вчера сидели у костров, исчезли. Старики, которые грелись на солнце, больше не появлялись. Дети, чей смех звучал у фонтана, стали реже смеяться. Кто-то ушёл сам, в поисках лучшей доли — или просто в поисках чего-то, что напоминало бы прежнюю жизнь. Кто-то умер.

Кай встал и, преодолевая боль в затёкшей от холода спине, направился к фонтану. Вода всё ещё была из трещины в камне — чистая, холодная, пахнувшая мокрым известняком и чем-то ещё, чем-то древним, что было заперто под землёй тысячелетиями. Он опустил правую руку в поток и плеснул водой в лицо. Холод обжёг кожу, прогнал остатки сна, но не прогнал тяжесть, которая поселилась где-то в груди и не уходила уже несколько дней.

— Ты рано.

Кай обернулся. Лина стояла в нескольких шагах позади него, и её вид говорил о том, что она либо не ложилась вовсе, либо проснулась задолго до рассвета. Её механическая рука была активирована и тихо гудела в фоновом режиме, красная линза вращалась, сканируя пространство, но лицо — бледное, осунувшееся, с тёмными кругами под глазами — выражало ту особую, изматывающую усталость, которая накапливается не за одну ночь, а за недели и месяцы. В руках она держала свой портативный монитор, и Кай сразу понял: у неё плохие новости. Она никогда не приходила к нему в такую рань с хорошими.

— Ты тоже, — ответил он, вытирая лицо рукавом. — Что случилось?

— Я закончила недельный отчёт, — произнесла она, и её голос прозвучал глухо и безжизненно. Так говорят люди, которые провели слишком много времени, глядя на цифры, и увидели в них что-то, чего не хотели видеть. — Я хотела показать его вчера, но потом была драка у раздачи, и я решила подождать. А сегодня... — она замолчала и протянула ему монитор. — Сегодня я перепроверила данные. Они не стали лучше.

Кай взял монитор и посмотрел на экран. Там были цифры. Много цифр. Столбцы, графики, проценты. Он не был аналитиком, как Лина, но за годы службы в Инквизиции он научился читать отчёты — быстро, по диагонали, выхватывая главное. Главное было наверху, выделенное жирным шрифтом, и от этих цифр у него похолодело внутри.

«Население лагеря на момент последней переписи (день 1): 2150 человек. Население на текущий момент (день 7): 1830 человек. Разница: -320 человек. Из них: подтверждённые смерти — 47; ушедшие в другие убежища — 98; пропавшие без вести — 175. Причины смертности: истощение, осложнения после ранений, внутрилагерные конфликты, антисанитария».

— Триста двадцать человек, — произнёс он, и его голос прозвучал глухо. — За неделю.

— За неделю, — подтвердила Лина. — Это пятнадцать процентов от первоначального населения. Если тенденция сохранится, через месяц нас останется меньше тысячи. Через два — меньше пятисот. Через три — лагерь перестанет существовать как организованная единица. — Она замолчала и провела рукой по лицу. — И это ещё оптимистичный прогноз. Я не учитываю возможные эпидемии, которые начнутся, когда мы не сможем утилизировать отходы, и массовый голод, который наступит, когда закончатся последние консервы.

Кай продолжал смотреть на цифры. Сто семьдесят пять пропавших без вести. Это значило, что каждую ночь из лагеря уходили люди. Не прощаясь, не объясняя причин, просто собирали свои скудные пожитки и исчезали в темноте. Куда они уходили? К Гуннару, который обещал порядок и еду в обмен на абсолютное подчинение? К Торвальду, который всё ещё ждал своего часа? Или просто в серую пустоту, которая начиналась в нескольких кварталах отсюда и тянулась до горизонта — безмолвная, неподвижная, готовая принять всех, кто устал бороться?

— Это не просто цифры, — тихо произнёс он, возвращая монитор. — Это люди. Триста двадцать человек, которые либо умерли, либо решили, что у нас нет будущего.

— Я знаю, — ответила Лина, и в её голосе прозвучала боль. — Я знаю каждого из них. Я записывала их имена. Всех, кого могла. Тех, кого приводили в лагерь, тех, кто получал пайки, тех, кто лечился у Эзры. Я помню их лица. Я помню старуху, которая в первый день не знала, как развести костёр. Она умерла третьего дня — просто не проснулась утром. Я помню мужчину, который потерял жену и всё повторял её имя, чтобы не забыть. Он ушёл вчера — я видела, как он стоял у границы серой пустоты, а потом шагнул в неё. Я не остановила его. Я не знала, имею ли я право. — Она замолчала и посмотрела на Кая. — Мы теряем их, Кай. Не из-за внешней угрозы. Не из-за Коллекторов. Не из-за голода. Мы теряем их из-за того, что они не видят смысла оставаться.

Кай закрыл глаза и глубоко вздохнул. Воздух пах дымом и пылью, и где-то вдалеке снова глухо пророкотал гром. Гроза всё не начиналась.

— Мы должны что-то изменить, — произнёс он наконец. — Мы должны найти способ дать им надежду.

— Надежда не починит канализацию, — резко ответила Лина, и в её голосе прозвучала несвойственная ей горечь. — Надежда не накормит голодных и не вылечит больных. Им нужны правила, Кай. Чёткие, ясные, работающие правила. Кто что делает. Кто за что отвечает. Кто получает еду первым, а кто — последним. Без этого мы просто толпа испуганных людей, которые ждут, когда кто-то скажет им, что делать. И пока этот кто-то не появится, они будут умирать. Или уходить. Что, в сущности, одно и то же.

Кай не ответил. Он смотрел на площадь, на людей, которые начинали просыпаться, на очереди, которые уже выстраивались у котлов с кипятком, на детей, которые сидели у фонтана и молча смотрели на воду. Он думал о том, что сказала Лина. О правилах. О порядке. О том, что люди, привыкшие к Системе, оказались не готовы к свободе — не потому, что они были слабыми или глупыми, а потому, что их никогда не учили быть свободными. Их учили подчиняться. И теперь, когда приказы исчезли, они не знали, что делать. Они застыли, как автоматы, потерявшие сигнал.

«Архитектор был прав, — прошептал голос в его голове, тот самый, который он ненавидел. — Ты дал им свободу, и она их убивает».

2

Собрание ближнего круга состоялось через час в том же подвале, который служил им штабом с первых дней. Здесь почти ничего не изменилось — те же ящики, заменявшие стулья, тот же магический светильник, висевший на стене, тот же запах сырости и старого камня. Изменились только люди, сидевшие вокруг импровизированного стола. Их лица, освещённые тусклым светом, были мрачными и напряжёнными. Каждый знал, что ситуация ухудшается. Каждый чувствовал, что они подходят к какой-то точке невозврата. И никто не знал, как её избежать.

Дрейк сидел у стены, скрестив руки на груди. Его лицо, покрытое шрамами, было непроницаемым, но Кай чувствовал — через «слепое зрение», — что его аура пульсирует от сдерживаемого напряжения. Рядом с ним расположился Томас, и его лицо, всё ещё бледное после всех пережитых испытаний, выражало крайнюю степень усталости. Элиас, его брат, сидел рядом — он всё ещё был слаб, но уже мог передвигаться самостоятельно, и его присутствие здесь было маленькой победой. Эзра, старый маг, занял место в углу, опираясь на свою деревянную трость. И, наконец, Ноль — она стояла у двери, скрестив руки на груди, и её лицо, скрытое за чёрной лентой, было обращено к Каю. Она не села. Она никогда не садилась на этих собраниях, словно подчёркивая, что её присутствие здесь временно и условно.

— Я собрал вас, потому что ситуация критическая, — начал Кай, и его голос, сорванный и хриплый, разнёсся по подвалу. — Лина закончила недельный отчёт. Цифры хуже, чем мы ожидали. Мы потеряли триста двадцать человек за семь дней. Люди умирают, уходят, пропадают без вести. И это не из-за внешней угрозы. Это из-за нас. Из-за того, что мы не можем дать им то, что им нужно.

— И что же им нужно? — спросил Дрейк, и его голос прозвучал с холодной, безжалостной прямоотой. — Еда у нас пока есть. Вода есть. Крыша над головой — у кого-то есть, у кого-то нет, но мы работаем над этим. Что ещё?

— Им нужен порядок, — ответила Лина, разворачивая монитор так, чтобы все видели экран. — Не тот порядок, который был у Архитектора. Не протоколы и штрафы. А простое, человеческое понимание того, что будет завтра. Кто получит еду. Кто будет лечить раненых. Кто будет стоять на страже. Сейчас всего этого нет. У нас есть фонтан, но нет графика раздачи воды, и каждое утро у него вспыхивают драки. У нас есть запасы продовольствия, но нет системы распределения, и сильные отнимают пайки у слабых. У нас есть люди, готовые работать, но нет организации их труда, и они просто сидят без дела, теряя надежду. Мы создали вакуум, и этот вакуум заполняется страхом.

— Страхом и теми, кто готов на нём играть, — добавил Дрейк и бросил взгляд на Кая. — Гуннар ушёл. Ты знаешь?

Кай кивнул. Он узнал об этом вчера вечером, когда один из сектантов доложил, что бывший шахтёр и его люди покинули лагерь, забрав с собой всё оружие, которое им удалось собрать за неделю.

— Он не просто ушёл, — продолжил Дрейк, и его голос прозвучал мрачно. — Он захватил старый заводской комплекс в трёх километрах отсюда. Там уже около полусотни человек. Он называет себя «Смотрителем» и установил там свои порядки. Все работают на него. Он распределяет еду. За неповиновение — изгнание. Говорят, он уже выгнал троих в серую пустоту. Без воды. Без еды. Без оружия.

— И люди идут к нему, — тихо произнёс Томас. — Я говорил с одним парнем вчера — он собирался уходить. Сказал, что здесь страшно, а там хоть и строго, но понятно. Сказал, что лучше бояться одного человека, который даёт еду, чем бояться всех вокруг.

В подвале воцарилась тишина. Кай смотрел на свои руки — на правую, живую, которая дрожала от усталости или, может быть, от гнева, и на левую, каменную, которая лежала на колене, безжизненная и холодная. Он думал о Гуннаре. О том, как неделю назад он стоял у фонтана с металлической трубой в руках и требовал плату за воду. Тогда Кай думал, что победил его — не силой, а словом, убедив работать на лагерь. Но он не победил. Он только отсрочил неизбежное. Гуннар не изменился — он просто ждал. Ждал, когда вакуум власти станет настолько очевидным, что люди сами пойдут к нему, предпочитая знакомую тиранию незнакомой свободе.

— Гуннар — не единственный, — произнесла Ноль, нарушая молчание. Её голос, низкий и мелодичный, прозвучал в тишине подвала как приговор. — Мои разведчики вернулись сегодня утром. Они обошли уцелевшие районы — те, куда можно добраться, не пересекая серую пустоту. То, что они увидели... — она замолчала и перевела дух. — Это хуже, чем мы думали.

Она развернула на столе карту — старую, бумажную, исчерченную пометками. Кай подошёл ближе.

— В Старом Городе объявился человек по имени Магнус, — продолжила Ноль, водя пальцем по карте. — Бывший чиновник из администрации Архитектора. Он каким-то образом сохранил доступ к старым архивам и теперь использует их как инструмент контроля. Он создал «Канцелярию Выживания» — бюрократическую машину, которая выдаёт талоны на еду, воду и жильё в обмен на абсолютное подчинение. Хочешь есть — подпиши контракт о лояльности. Хочешь пить — предоставь список всех своих родственников и их местонахождения. Хочешь крышу над головой — обязуйся доносить на соседей. Те, кто отказывается, — изгоняются. Говорят, его канцелярия уже обработала больше тысячи человек.

— Знакомая система, — мрачно заметил Дрейк. — Только без магии.

— В Нулевом Квартале другая ситуация, — продолжила Ноль. — Там группа магов, называющих себя «Кругом Стихий», захватила контроль над одним из источников дикой маны — таким же, как наш в карьере. Они используют его для защиты и для того, чтобы привлекать сторонников. Но они пускают к себе только тех, кто обладает магическим даром. Обычные люди для них — «балласт». Их либо изгоняют, либо используют как слуг. Без права голоса. Без права на ману. Без права на что-либо, кроме работы.

— А на севере, — Ноль сделала паузу, и её голос стал тише, — на севере орудуют Коллекторы. Те, что уцелели после «Форматирования». Они потеряли управляющий сигнал, и их протоколы сошли с ума. Теперь они зачищают целые кварталы, классифицируя всё живое как «ошибки, подлежащие удалению». Мои разведчики видели тела. Десятки тел. Люди, которые пытались спрятаться в подвалах, но были найдены и... уничтожены.

Она замолчала, и тишина, наступившая в подвале, была тяжелее любого слова. Кай смотрел на карту и видел не линии и пометки, а лица. Лица людей, которые ещё неделю назад были частью одного города — пусть и поработённого, пусть и угнетённого, но всё же единого. Теперь этот город распался на десятки маленьких, враждующих друг с другом анклавов. Каждый со своими правилами. Каждый со своим лидером. Каждый со своей версией «порядка», который был не лучше, а часто и хуже того, что предлагал Архитектор.

— Он был прав, — тихо произнёс Томас, и его голос дрожал. — Архитектор. Он говорил, что без него будет хаос. Что люди не готовы к свободе. И посмотрите — он был прав.

— Нет, — резко ответил Кай, и его голос прозвучал твёрже, чем он ожидал. — Он был прав в том, что люди, лишённые правил, создают чудовищ. Но он был неправ в том, что единственная альтернатива хаосу — это его тирания. Есть другой путь. Должен быть.

— Какой? — спросила Ноль, и в её голосе прозвучал вызов. — Ты уже неделю пытаешься найти этот путь. Ты говоришь людям, что они свободны. Ты просишь их работать добровольно. Ты убеждаешь их не грабить друг друга. И что в итоге? Гуннар создал свою диктатуру. Магнус — свою бюрократическую машину. «Круг Стихий» — свою магическую элиту. А мы здесь сидим и смотрим, как наш лагерь тает, потому что люди не видят причин оставаться. Где твой путь, Кай? Покажи мне его.

Кай встретил её взгляд — вернее, ту чёрную ленту, которая скрывала её глаза, — и не отвёл его. Он знал, что Ноль не пытается его унизить или подорвать его авторитет. Она задаёт вопрос, который мучает её саму. Вопрос, на который она, возможно, надеялась получить ответ от него — от человека, который убил Архитектора и обещал построить новый мир.

— Я не знаю, — честно ответил он. — Я не знаю, как построить порядок, который не превратится в тиранию. Я не знаю, как дать людям правила, не отнимая у них свободу. Я не знаю, как защитить слабых, не становясь надзирателем. Но я знаю одно: мы должны попытаться. Потому что если мы не попытаемся, всё это — всё, что мы сделали, все, кто погиб, — было зря.

Он замолчал и обвёл взглядом собравшихся. Дрейк, который всегда был скептиком, смотрел на него с выражением, которое трудно было расшифровать. Томас, который всегда верил в Кая, выглядел испуганным и растерянным. Лина, которая всегда была его правой рукой, сидела, опустив голову, и её механическая рука тихо гудела в тишине. Ноль, которая всегда была его совестью, стояла у двери и ждала ответа, которого у него не было.

— Я предлагаю вот что, — произнёс Кай, и его голос набирал силу. — Мы не можем контролировать весь город. Мы не можем остановить Гуннара, или Магнуса, или «Круг Стихий». Но мы можем сделать так, чтобы наш лагерь стал местом, куда люди будут приходить, а не уходить. Чтобы они видели здесь не хаос, а надежду. Для этого нам нужны правила. Не протоколы. Не лицензии. Не штрафы. А простые, понятные каждому принципы, которые мы примем все вместе.

— Какие принципы? — спросил Дрейк.

— Первое: никто не имеет права своей свободой уничтожать свободу другого. Это значит — никакого насилия, никакого воровства, никакого принуждения. Второе: каждый, кто хочет есть, должен работать — по мере своих сил. Больные, старики и дети освобождаются. Третье: все важные решения, касающиеся лагеря, принимаются советом — не мной одним, а всеми, кому люди доверят представлять их интересы.

— Это звучит как новая Система, — заметила Ноль, и в её голосе прозвучала настороженность.

— Это звучит как общественный договор, — возразил Кай. — Как соглашение между свободными людьми, которые добровольно принимают на себя обязательства ради общего блага. Разница между этим и Системой в том, что Система была навязана сверху и не оставляла выбора. А это — выбор. Если кто-то не хочет жить по этим принципам, он может уйти. Мы не будем его наказывать. Мы просто не будем его защищать и кормить.

— Это и есть наказание, — тихо произнесла Лина, поднимая голову. — Изгнание в нынешних условиях — это смертный приговор.

— Да, — согласился Кай. — Это сурово. Но альтернатива — позволить тем, кто грабит и убивает, оставаться среди нас. И тогда они убьют не одного изгнанника, а десятки невинных. Я не хочу этого. Я не хочу, чтобы наш лагерь превратился в место, где сильные угнетают слабых. Если это значит, что мы должны быть жёсткими к тем, кто нарушает наш уговор, — пусть так. Но это будет наша жёсткость. Принятая нами. Контролируемая нами. А не навязанная кем-то сверху.

В подвале снова воцарилась тишина. Кай смотрел на своих друзей и видел, как они обдумывают его слова. Эзра, старый маг, который до этого молчал, медленно кивнул. Его глаза,

выцветшие от времени, смотрели на Кая с выражением, которое было трудно расшифровать — возможно, это было одобрение, а возможно, просто усталое принятие неизбежного.

— Первые Маги жили по таким принципам, — произнёс он, и его голос, тихий и скрипучий, прозвучал в тишине подвала как голос из прошлого. — У них не было Системы. Не было лицензий. Но у них был уговор — уговор, который передавался из поколения в поколение. «Не вреди своему. Защищай слабого. Делился тем, что имеешь». Они не всегда соблюдали его. Они были людьми, не ангелами. Но они старались. И пока они старались, их города стояли. А когда они забывали об этом... — он замолчал и покачал головой. — Когда они забывали, приходили те, кто строил Системы.

Ноль долго молчала, обдумывая услышанное. Затем она медленно, словно каждое слово давалось ей с огромным трудом, произнесла:

— Я всё ещё считаю, что любое правило — это шаг к новой тирании. Но я также вижу, что отсутствие правил — это шаг к хаосу, который убивает быстрее любой тирании. — Она замолчала и перевела дух. — Я поддержу твои принципы, Кай. Но я буду следить за тобой. За каждым твоим решением. За каждым твоим словом. И если ты переступишь черту, я напомню тебе, ради чего мы боролись.

— Это справедливо, — ответил Кай. — Я и не просил о большем.

Часть II. Эскалация

3

К полудню лагерь гудел, как потревоженный улей. Слухи о том, что «Нулевой Инквизитор» собирается ввести новые правила, разнеслись быстрее, чем Кай ожидал. Люди собирались в группы, перешёптывались, спорили. Кто-то говорил, что это конец свободы и начало новой Системы. Кто-то — что это единственный способ остановить хаос. Кто-то хранил мрачное молчание и смотрел на Кая с выражением, которое трудно было расшифровать, — возможно, с надеждой, а возможно, с подозрением.

Кай сидел у фонтана и наблюдал за этой картиной. Его каменная левая рука лежала на коленях, отражая тусклый свет облачного неба, а правая сжимала сумку Грегора. Он думал о том, что скажет людям. О том, как объяснить им то, что он сам понял только сегодня утром: свобода без ответственности — это не свобода. Это хаос. И если они не примут на себя ответственность добровольно, её навяжет им кто-то другой — Гуннар, Магнус, Торвальд, кто угодно. И тогда их свобода кончится, даже не успев начаться.

Кризис разразился раньше, чем он успел подготовиться.

Первый сигнал тревоги поступил от фонтана. Кай услышал крики — те самые, которые он слышал уже десятки раз за эту неделю: женский визг, мужской рык, звон разбиваемой посуды. Он встал и быстро пошёл туда, но на полпути его перехватил Томас. Молодой сектант был бледен, и его глаза, воспалённые и красные от недосыпа, горели тревогой.

— Господин Кай! — выпалил он, запыхавшись. — Там... там снова драка. Но на этот раз хуже. Гораздо хуже. Они дерутся не за воду.

— А за что?

— За всё, — ответил Томас, и его голос дрожал. — Кто-то пустил слух, что фонтан скоро иссякнет. Что Лина предсказала это, а вы скрываете, чтобы не сеять панику. Люди в отчаянии. Они давят друг друга. Там уже есть раненые. Я видел ребёнка, которого затоптали. Его унесли к Эзре, но я не знаю, выживет ли он.

Кай почувствовал, как внутри него разгорается холодная, расчётливая ярость. Не против людей — они были напуганы и действовали иррационально, как действуют все напуганные люди. А против того, кто пустил этот слух. Потому что он знал: Лина никогда не говорила, что фонтан иссякнет. Она говорила об источнике в карьере, о мане, но не о воде. Кто-то намеренно исказил её слова и использовал их, чтобы посеять панику. Кто-то, кто выигрывал от хаоса.

Когда он добрался до фонтана, драка уже переросла в побоище. Десятки людей — мужчины, женщины, даже несколько подростков — боролись за место у воды. Они толкались, пихались, били друг друга кулаками и всем, что попадалось под руку. Один мужчина — крупный, с бычьей шеей и красным от ярости лицом — размахивал обломком доски, расчищая себе путь. Другой, поменьше, пытался пролезть у него под рукой и получил удар локтем в лицо. Кровь брызнула на камни, и кто-то закричал — пронзительно, истерично, как кричат только те, кто видит кровь и теряет над собой контроль.

Кай ворвался в толпу. Он не пытался кричать — он знал, что в таком шуме его никто не услышит. Вместо этого он активировал «слепое зрение» на полную мощность, и мир изменился. Он видел ауры людей — красные, пульсирующие от ярости и страха, — и в центре этого хаоса он увидел то, что искал. Мужчина. Тот самый, с доской. Его аура была другой — не красной, а какой-то тусклой, маслянистой, словно покрытой грязью. Это была аура человека, который не боялся и не злился. Он наслаждался.

Кай пробился к нему. Мужчина заметил его и на мгновение замер — видимо, узнал. Затем его лицо исказилось усмешкой, и он замахнулся доской. Не на кого-то из толпы, а прямо на Кая.

— А, Инквизитор! — рявкнул он, и его голос, хриплый и полный злобы, перекрыл шум. — Пришёл наводить порядок? Давай, наводи! Только у тебя планшета нет! Арестовывать некого! Штрафы выписывать некому! Ты никто! Ты — ничто! Ты...

Он не договорил. Кай уклонился от удара — доска просвистела в сантиметре от его головы, — и сделал единственное, что мог: он использовал свой «нуль». Не для атаки. Не для парадокса. А для того, чтобы на мгновение погасить ярость, которая бурлила в ауре этого человека. Это было похоже на то, как если бы он плеснул холодной водой в кипящий котёл. Эффект был мгновенным. Мужчина замер, его глаза расширились, доска выпала из рук. Он смотрел на Кая с выражением, которое было одновременно испуганным и растерянным, словно он только что проснулся от кошмара и не понимал, где находится.

— Сядь, — тихо произнёс Кай, и его голос прозвучал не как приказ, а как просьба. — Просто сядь и успокойся.

Мужчина сел. Прямо на камни, посреди дерущейся толпы. Это было настолько неожиданно, что люди вокруг начали останавливаться. Они смотрели на него, на Кая, на доску, лежавшую на земле, и постепенно, один за другим, опускали кулаки. Драка прекратилась — не потому, что кто-то приказал, а потому, что все увидели: что-то изменилось. Что-то, чего они не понимали, но что заставило самого агрессивного из них просто сесть и замолчать.

Кай повернулся к толпе. Его каменная левая рука висела мёртвым грузом, и боль в плече, которую он игнорировал весь день, наконец дала о себе знать — тупая, ноющая, изматывающая. Но он не обращал на неё внимания. Он смотрел на людей и видел их лица: испуганные, растерянные, покрытые синяками и кровью. Они ждали. Ждали, что он скажет.

— Фонтан не иссякнет, — произнёс он, и его голос, сорванный и хриплый, разнёсся по площади. — Это ложь. Лина никогда не говорила этого. Кто-то пустил этот слух, чтобы посеять панику. И этот кто-то добился своего. Посмотрите на себя. Посмотрите, во что вы превратились. Вы дерётесь за воду, которой здесь достаточно для всех. Вы топчете детей. Вы калечите друг друга. Не потому, что вам не хватает воды. А потому, что вам не хватает веры. Веры в то, что завтра будет так же, как сегодня. Веры в то, что вы не умрёте от жажды. Веры в то, что этот мир — наш общий мир — ещё можно спасти.

Он замолчал и обвёл взглядом толпу. Никто не отвечал. Но никто и не спорил.

— Я не могу дать вам эту веру, — продолжил он, и его голос стал тише. — Я не Архитектор. Я не могу гарантировать вам порядок. Но я могу предложить вам другое. Я могу предложить вам уговор. Соглашение между всеми нами о том, как мы будем жить дальше. Не протоколы. Не лицензии. Не штрафы. Просто правила, которые мы примем вместе. Добровольно. И если кто-то не захочет их принимать, он сможет уйти. Мы не будем его держать. Но мы и не будем его защищать.

Он снова замолчал, переводя дух. Тишина стояла такая, что он слышал, как капает вода в фонтане.

— Сегодня вечером я скажу больше. Я расскажу вам, что я предлагаю. А пока — наберите воды. Спокойно. Без драки. Её хватит всем.

Толпа медленно, неуверенно начала рассасываться. Люди подходили к фонтану, набирали воду и уходили, бросая на Кая короткие, настороженные взгляды. Мужчина, который только что размахивал доской, всё ещё сидел на земле и смотрел перед собой пустыми, невидящими глазами. Кай подошёл к нему и опустил на корточки.

— Кто тебя послал? — тихо спросил он.

Мужчина вздрогнул и поднял взгляд. Его лицо, покрытое щетиной и синяками, выражало страх — не перед Каем, а перед кем-то другим. Кем-то, кто был страшнее.

— Я... я не знаю, о чём вы, — пробормотал он. — Я просто... я просто хотел воды. Я...

— Ты лжёшь, — спокойно произнёс Кай. — Твоя аура выдаёт тебя. Ты не был напуган. Ты не был в отчаянии. Ты наслаждался хаосом. Кто-то сказал тебе устроить драку. Кто?

Мужчина задрожал. Его губы шевелились, но с них не слетало ни звука. Затем он прошептал — так тихо, что Кай едва расслышал:

— Торвальд. Он сказал... он сказал, что если мы устроим достаточно большой беспорядок, люди поймут, что вы не справляетесь. И тогда они выберут его. Он обещал... обещал мне место в своём совете. Безопасность. Еду. Всё, что я захочу.

Кай медленно выпрямился. Его правая рука сжалась в кулак, и он почувствовал, как внутри него разгорается холодный, безжалостный гнев. Не против этого человека — он был просто пешкой, — а против Торвальда. Который не грабил, не убивал, не захватывал источники. Который действовал тоньше. Который ждал, пока хаос сделает его работу за него, а потом предлагал себя в качестве спасителя.

— Иди, — произнёс Кай, глядя на мужчину. — Иди и скажи Торвальду, что я знаю. Скажи ему, что его игра окончена. Если он хочет власти, пусть выйдет и скажет это открыто. А не прячется за спинами запуганных людей.

Мужчина вскочил на ноги и, не говоря ни слова, бросился прочь. Кай смотрел ему вслед и думал о том, что только что произошло. Торвальд не был дураком. Он понимал, что прямой вызов Каю сейчас будет стоить ему поддержки людей — тех самых, которые всё ещё верили в Нулевого Инквизитора. Поэтому он действовал иначе: он создавал хаос, чтобы доказать, что

Кай не справляется. И каждая драка, каждая смерть, каждый уходящий из лагеря человек были аргументом в его пользу.

«Мы должны остановить его, — подумал Кай. — Не силой. Не изгнанием. А доказав, что наш путь работает».

4

Во второй половине дня произошло ещё два инцидента, которые окончательно убедили Кая в том, что медлить больше нельзя.

Первый случился на раздаче еды. Сектанты Ноль, которые отвечали за распределение припасов, обнаружили, что один из складов взломан. Замок был срезан — аккуратно, явно инструментом, а не сорван грубой силой. Пропало около трети дневного рациона: несколько ящиков консервов, мешок муки и бочонок с очищенной водой. Это была не спонтанная кража — это была спланированная операция. Кто-то знал, где лежат припасы, знал, когда меняется охрана, и знал, что кража будет обнаружена не сразу.

— Это не просто воры, — мрачно произнёс Дрейк, осматривая место преступления. — Это люди, которые знают нашу систему изнутри. Возможно, они всё ещё здесь, в лагере. Возможно, они следят за нами.

— Или это Торвальд, — добавила Лина. — Он мог организовать это так же, как организовал драку у фонтана. Украсть еду, создать дефицит, заставить людей паниковать ещё больше. А потом, когда они будут на грани отчаяния, выйти и сказать: «Я же говорил. Без твёрдой руки вы все умрёте с голоду».

Кай молчал. Он смотрел на пустые полки, на растерянные лица сектантов, которые отвечали за припасы и теперь чувствовали себя виноватыми, хотя их вины не было, — и думал. Торвальд, Гуннар, Магнус, «Круг Стихий» — все они были симптомами одной и той же болезни. Болезни, имя которой — вакуум власти. Архитектор, при всех своих чудовищных преступлениях, заполнял этот вакуум собой. Он был единственным центром силы, единственным источником порядка — пусть и порядка, основанного на страхе и порабощении. Теперь, когда он исчез, вакуум начали заполнять другие. Более мелкие. Более жестокие. Но столь же опасные.

Второй инцидент произошёл через час. К Каю пришла молодая женщина — одна из тех, кого они спасли из Хрустального леса. Её звали Мира, и она была одной из немногих, кто сохранил ясность рассудка после освобождения. Она работала у Эзры, помогая ухаживать за ранеными, и Кай привык видеть её тихой, незаметной, но всегда присутствующей. Сейчас её лицо было бледным, а глаза — красными от слёз.

— Господин Кай, — произнесла она, и её голос дрожал. — Я должна вам кое-что рассказать. Это о моём брате.

Кай нахмурился. Он помнил, что у Миры был брат — молодой парень по имени Лен, который тоже был среди освобождённых. Он был слаб, но держался, и Кай видел его несколько раз у фонтана.

— Что с ним? — спросил он.

— Он ушёл, — ответила Мира, и из её глаз потекли слёзы. — Сегодня ночью. Он не сказал мне. Я проснулась, а его уже не было. Он оставил записку. — Она протянула Каю смятый клочок бумаги. — Прочитайте.

Кай развернул записку и прочёл. Почерк был неровным, торопливым, словно писавший спешил или боялся, что его застанут.

«Мира, прости меня. Я не могу больше здесь оставаться. Здесь всё рушится. Каждый день драки, голод, страх. Я слышал, что на севере есть место, где всё по-другому. Люди говорят, что там есть человек, который наводит порядок. Он строгий, но справедливый. Он даёт еду всем, кто работает. Я пойду к нему. Когда всё устроится, я вернусь за тобой. Не ищи меня. Я люблю тебя. Лен».

Кай опустил записку и посмотрел на Миру. Она плакала, закрыв лицо руками, и её плечи дрожали. Он знал, куда ушёл Лен. «Строгий, но справедливый человек, который даёт еду всем, кто работает». Это был Гуннар. Или, возможно, Магнус. Или кто-то ещё, о ком они ещё не знали. Это не имело значения. Имело значение только то, что люди уходили. Не к врагам — к тем, кто обещал им то, чего Кай пока не мог дать: уверенность в завтрашнем дне.

— Я верну его, — произнёс он, хотя сам не знал, как сможет это сделать. — Я обещаю. Мы вернём всех, кто ушёл. Когда здесь станет лучше. Когда здесь станет безопасно.

— А когда здесь станет безопасно? — спросила Мира, и её голос прозвучал с отчаянием, которое резало острее любого ножа. — Когда? Через неделю? Через месяц? Через год? Мой брат может быть мёртв через неделю. Он слаб. Он не выдержит того, что там происходит. Вы говорите о свободе, но моя свобода — это свобода терять близких. Какая это свобода?

Кай не нашёлся, что ответить. Он просто стоял и смотрел, как Мира плачет, и чувствовал, как внутри него разрастается свинцовая, удушающая тяжесть. Она была права. Его свобода, его принципы, его нежелание становиться новым Архитектором — всё это стоило жизни реальным людям. Людям, которые уходили в ночь, чтобы найти хоть какую-то определённую, и исчезали навсегда.

Когда Мира ушла, Кай долго сидел у фонтана, глядя на воду. Его каменная левая рука лежала на коленях, и боль в плече, которую он игнорировал, стала почти невыносимой. Но он не обращал на неё внимания. Он думал о Лене. О Мире. О трёхстах двадцати людях, которые исчезли за эту неделю. О Грегоре, который умер, чтобы дать им шанс. О Корвусе, который пожертвовал собой, потому что верил, что этот новый мир будет лучше старого.

«Будет ли? — спросил он себя. — Или мы просто обменяли одну тюрьму на другую?»

5

Ближе к вечеру, когда солнце начало клониться к закату и длинные тени от руин протянулись через площадь, к Каю подошёл Торвальд. Он был один — что само по себе было странно, потому что Торвальд редко появлялся без своих сторонников. Но сегодня он, казалось, хотел говорить без свидетелей.

— Инквизитор, — произнёс он, и в его голосе прозвучала странная смесь уважения и вызова. — Можно тебя на минутку?

Кай, который сидел на обломке стены и просматривал заметки Лины, поднял голову. Он ждал этого разговора с того самого момента, как узнал о роли Торвальда в утренней драке. Но он не ожидал, что Торвальд придёт сам.

— Говори, — коротко ответил он.

Торвальд остановился в нескольких шагах и скрестил руки на груди. Его лицо, грубое и обветренное, было непроницаемым, но глаза — маленькие, цепкие, — смотрели на Кая с выражением, которое можно было принять за искренность. Или за очень хорошую имитацию искренности.

— Я знаю, что ты думаешь обо мне, — начал он, и его голос прозвучал спокойно и рассудительно, без тени враждебности. — Ты думаешь, что я жду момента, чтобы захватить власть. Что я плету интриги. Что я натравливаю людей друг на друга. — Он сделал паузу. — И ты прав. Я делаю всё это.

Кай не ответил. Он просто смотрел на Торвальда и ждал.

— Но я делаю это не потому, что я злой, — продолжил Торвальд. — И не потому, что я хочу быть новым Архитектором. Я делаю это потому, что твой путь не работает. Ты сам это видишь. Триста двадцать человек за неделю. Драки у фонтана. Кражи. Люди, которые уходят к Гуннару, потому что у него есть порядок, а у нас — только разговоры о свободе. Ты хороший человек, Кай. Возможно, лучший из всех, кого я знал. Но хорошие люди не выигрывают войны. И не строят города.

— И что ты предлагаешь? — спросил Кай, и его голос прозвучал холодно и ровно.

— Я предлагаю то же, что и неделю назад, — ответил Торвальд. — Сотрудничество. Ты — герой, убивший Архитектора. Твоё имя всё ещё что-то значит. Люди всё ещё слушают тебя — пока. Но они не будут слушать тебя вечно. Рано или поздно они поймут, что твоя свобода — это красивая сказка, которая не кормит и не защищает. И тогда они пойдут за мной. Или за Гуннаром. Или за Магнусом. — Он шагнул ближе и понизил голос. — Я не хочу этого. Я хочу, чтобы мы работали вместе. Ты останешься символом — тем, кто вдохновляет людей. А я возьму на себя практическое управление. Жёсткое, если потребуется. Без иллюзий. Без компромиссов. Мы наведём порядок. Не такой, как у Архитектора — без кристаллов и «Мёртвой руки». Но порядок. И люди перестанут умирать.

Кай долго молчал, обдумывая его слова. Торвальд был умён — гораздо умнее, чем он думал раньше. Он не угрожал, не запугивал. Он просто констатировал факты, которые Кай и сам знал. И его предложение — при всей его циничности — было логичным. Кай был символом. Торвальд был практиком. Вместе они могли бы создать что-то работающее.

Но Кай знал, что это ловушка. Не та, в которую его заманивали, а та, которую он сам мог бы создать. Потому что, согласись он на предложение Торвальда, он стал бы соучастником. Его имя легитимизировало бы новый порядок — порядок, который, возможно, начинался бы

с самых благих намерений, но неизбежно скатился бы к той же тирании, против которой они боролись. И тогда все жертвы — Грегор, Корвус, тысячи погибших — были бы напрасны.

— Нет, — произнёс он наконец, и его голос прозвучал тихо, но твёрдо. — Я не буду с тобой работать, Торвальд. Не потому, что я не вижу проблем. Я вижу их лучше, чем ты. Но потому, что твой путь — это путь Архитектора, только с другим лицом. Ты говоришь о порядке, но твой порядок будет основан на страхе. Ты говоришь о спасении, но твоё спасение потребует жертв. Тех самых жертв, которых мы пытались избежать. Я не для того убивал Архитектора, чтобы поставить на его место тебя.

Торвальд долго молчал, глядя на Кая. Его лицо, грубое и обветренное, было непроницаемым, но в глазах — глубоко внутри — мелькнуло что-то, похожее на сожаление. Или, возможно, на разочарование.

— Ты делаешь ошибку, Кай, — произнёс он наконец, и его голос прозвучал без угрозы, но с холодной уверенностью. — Ты думаешь, что сможешь построить рай на земле. Но люди — не ангелы. Им нужен страх, чтобы не превращаться в зверей. Если ты не дашь им этот страх, они найдут его сами. У Гуннара. У Магнуса. У кого-то ещё. И тогда твоя свобода станет не мечтой, а проклятием.

Он повернулся и пошёл прочь, и его фигура вскоре растворилась в сумерках. Кай остался сидеть на обломке стены, сжимая в руке сумку Грегора. Он думал о том, что сказал Торвальд. Думал о том, что люди действительно нуждаются в чём-то, что заменило бы им страх. В вере. В надежде. В смысле.

«Ты даёшь надежду тем, что ты здесь», — вспомнил он слова Лины. «Тем, что ты не сдался».

Может быть, этого было достаточно. По крайней мере, пока.

Часть III. Право сообщества

6

Вечером, когда солнце окончательно село и на город опустилась ночь, Кай собрал всех, кто ещё оставался в лагере, на центральной площади. Это не было похоже на предыдущие собрания. Тогда люди приходили из любопытства, из надежды, из страха — каждый со своими ожиданиями. Сейчас они собирались медленно, неохотно, словно боялись, что это собрание станет последним. Их лица, освещённые пламенем костров, были мрачными и напряжёнными. Многие из них уже слышали о драке у фонтана, о краже на складе, об уходе людей к Гуннару. И они ждали. Ждали, что человек, которого они называли Нулевым Инквизитором, скажет им, что всё будет хорошо. Или признает своё поражение.

Кай стоял на обломке стены — том самом, с которого он говорил в первый день свободы. Тогда это обломок казался ему трибуной, местом, с которого он провозглашал начало новой эры. Сейчас он был просто камнем. Холодным, шершавым, неудобным. Таким же, как и всё в этом лагере.

Вокруг него собрались те, кто прошёл с ним через ад: Лина, чьё лицо, бледное и осунувшееся, выражало крайнюю степень усталости, но чьи глаза всё ещё горели; Дрейк, чья аура пульсировала ровным, спокойным огнём; Томас и Элиас, стоявшие рядом и державшиеся за руки; Эзра, опиравшийся на свою трость; и Ноль, которая стояла чуть поодаль, скрестив руки на груди, и чьё лицо, скрытое за чёрной лентой, было непроницаемым.

Кай поднял правую руку, и гул голосов постепенно стих.

— Неделю назад, — начал он, и его голос, сорванный и хриплый, разнёсся по площади, — я стоял здесь и говорил вам о свободе. Я говорил, что Система мертва. Что Архитектор мёртв. Что мы теперь свободны и можем сами решать, как нам жить. Я верил в это. Я хотел, чтобы это было правдой.

Он замолчал и обвёл взглядом толпу. Сотни глаз смотрели на него — настороженные, испуганные, полные надежды и сомнения одновременно.

— Я ошибался.

По толпе пробежал шёпот. Кто-то ахнул. Кто-то нахмурился. Торвальд, стоявший в дальнем конце площади, скрестил руки на груди и слегка усмехнулся — едва заметно, но Кай видел это.

— Я ошибался, — повторил Кай, и его голос стал твёрже, — когда думал, что свобода — это отсутствие правил. Я думал, что если мы просто уберём Систему, люди сами найдут способ жить в мире. Но я забыл, что нас никогда не учили свободе. Нас учили подчиняться. И теперь, когда приказы исчезли, мы не знаем, что делать. Мы мечемся. Мы боимся. Мы дерёмся за воду, которой хватает всем. Мы крадём еду у своих же. Мы уходим к тем, кто обещает нам порядок — любой порядок, даже если он построен на страхе и насилии.

Он указал в темноту, туда, где за пределами площади, в руинах города, существовали другие лагеря, другие лидеры, другие порядки.

— Гуннар установил диктатуру. Магнус создал бюрократическую машину. «Круг Стихий» построил элиту, которая презирует обычных людей. Всё это — не свобода. Это новые тюрьмы. Может быть, менее страшные, чем та, которую построил Архитектор. Но всё равно тюрьмы. И люди идут туда — потому что там хотя бы понятно. Там есть правила. Там есть порядок.

Он замолчал, переводя дух, и площадь замерла в ожидании.

— Архитектор был прав в одном, — тихо произнёс Кай, и эти слова дались ему с огромным трудом. — Без правил человечество само себя уничтожает. Мы видим это каждый день. Мы видим это в драках, в кражах, в людях, которые уходят и не возвращаются. Но Архитектор был неправ в другом. Он думал, что единственный способ создать порядок — это поработить людей. Что им нужен кто-то, кто будет решать за них. Что они не способны управлять собой.

Он повысил голос, и его слова зазвучали громче, увереннее.

— Я отказываюсь в это верить. Я видел, на что вы способны. Я видел, как вы помогали друг другу в первые дни, когда всё рушилось. Я видел, как вы делились последним куском хлеба с незнакомцами. Я видел, как вы стояли плечом к плечу, защищая лагерь от мародёров. Вы не звери. Вы люди. Люди, которые могут быть лучше, чем то, во что вас превратила Система. Но для этого нам нужны правила. Не протоколы. Не лицензии. Не штрафы. А простые, ясные принципы, которые мы примем все вместе. Добровольно. Как принимали их наши предки — до Архитектора, до Войны Интеграции, до всего этого.

Он сделал паузу, и тишина на площади была такой глубокой, что он слышал, как бьётся его собственное сердце.

— Я предлагаю три принципа, — произнёс он, и его голос разнёсся по площади. — Первый: никто не имеет права своей свободой уничтожать свободу другого. Это значит — никакого насилия, никакого воровства, никакого принуждения. Второй: каждый, кто хочет есть, должен работать — по мере своих сил. Больные, старики и дети освобождаются. Третий: все важные решения, касающиеся лагеря, принимаются советом — не мной одним, а всеми, кому вы доверите представлять вас. Если кто-то нарушит эти принципы, он не будет наказан так, как наказывала Система. Его не арестуют. Ему не выпишут штраф. Но он больше не будет частью нашего сообщества. Он будет изгнан. Без еды. Без оружия. Без нашей защиты. Это сурово. Я знаю. Но альтернатива — позволить тем, кто грабит и убивает, оставаться среди нас. И тогда мы все погибнем.

Толпа молчала. Люди переглядывались, шептались, обдумывали услышанное. Кай видел их лица — некоторые выражали облегчение, некоторые — сомнение, некоторые — страх. Он знал, что его слова не убедят всех. Всегда будут те, кто предпочтёт порядок Гуннара или бюрократию Магнуса. Но он надеялся, что большинство останется. Что большинство поверит.

И тогда вперёд вышел Шнырь.

Кай не ожидал этого. Шнырь обычно держался в тени — маленький, тощий мальчишка, который помогал на раздаче еды и возился с детьми, но никогда не выступал публично. Сейчас он стоял перед толпой, и его лицо, бледное и покрытое веснушками, выражало решимость, которой Кай никогда раньше у него не видел. Он сжимал в кулаке свой жетон — тот самый, с надписью «НАДЕЖДА», — и его голос, тонкий и мальчишеский, но твёрдый, разнёсся по площади.

— Я был там, — произнёс он, и его слова прозвучали в тишине как удар колокола. — В Башне. Когда Архитектор пытался стереть господина Кая из реальности. Я видел, как он сражался. Я видел, как он рисковал жизнью ради людей, которых даже не знал. И я знаю: он мог бы стать новым Архитектором. Мог бы захватить власть после того, как старый Архитектор умер. Никто бы его не остановил. Но он не сделал этого. Он отказался. Он сказал, что свобода важнее власти.

Шнырь замолчал и перевёл дух. Его плечи дрожали, но он продолжал:

— Я не понимаю всех этих разговоров о правилах и законах. Я простой парень. Я был информатором, потом беженцем, потом просто тем, кто пытался выжить. Но я знаю одно: господин Кай никогда не врал мне. Ни разу. Даже когда правда была страшной. И если он говорит, что эти правила нужны, чтобы мы не поубивали друг друга, — значит, так и есть. Я ему верю. И я сделаю так, как он говорит. Не потому, что боюсь наказания. А потому, что это правильно.

Он повернулся к толпе и обвёл её взглядом — маленький мальчишка, стоящий перед сотнями взрослых, — и его голос, когда он заговорил снова, прозвучал громче и увереннее:

— Если вы хотите уйти к Гуннару — идите. Если хотите к Магнусу — идите. Но если вы останетесь, давайте попробуем. Давайте попробуем сделать так, как говорит господин Кай. Может быть, у нас получится. Может быть, мы докажем, что люди могут жить без тиранов. И тогда все, кто погиб — господин Грегор, господин Корвус, мой брат, — всё это будет не зря.

Он замолчал и опустил голову, словно сам не мог поверить, что только что сказал всё это. И тогда случилось то, чего Кай не ожидал. Люди начали поднимать руки. Не все — многие всё ещё колебались, многие всё ещё смотрели с сомнением. Но достаточно. Один за другим, они поднимали руки вверх, и их лица, освещённые пламенем костров, выражали что-то, чего Кай не видел уже несколько дней. Надежду.

Торвальд, стоявший в дальнем конце площади, не поднял руку. Он просто развернулся и ушёл в темноту, и Кай знал, что это ещё не конец. Что Торвальд вернётся. Что битва за лагерь только начинается.

Но сейчас, в этот момент, он позволил себе небольшую, осторожную надежду.

7

Поздней ночью, когда площадь опустела и костры догорели, Кай сидел у фонтана и смотрел на воду. Его каменная левая рука лежала на коленях, и боль в плече наконец утихла — то ли от усталости, то ли от того, что он просто перестал её замечать. Рядом с ним, прислонившись спиной к фонтану, сидела Лина. Её механическая рука была отключена, и она выглядела такой же измотанной, как и он сам.

— Ты сделал это, — тихо произнесла она, глядя на звёзды. — Ты дал им правила. И они приняли их.

— Они приняли обещание правил, — поправил Кай. — Настоящая проверка будет завтра. И послезавтра. И через неделю. Когда кто-то снова попытается украсть еду. Когда кто-то снова попытается захватить фонтан. Тогда мы увидим, работают ли наши принципы или это просто красивые слова.

Лина повернулась к нему и посмотрела долгим, изучающим взглядом.

— Ты изменился, — произнесла она. — Раньше ты говорил о свободе так, словно это волшебное слово, которое решит все проблемы. Теперь ты говоришь о правилах и ответственности. Это... — она замаялась, подбирая слово, — это более взрослый взгляд.

— Это взгляд человека, который видел, как умирают триста двадцать людей, — ответил Кай. — Архитектор понимал что-то, чего мы не понимали. Свобода без правил — это не свобода. Это война всех против всех. И если мы хотим выжить, мы должны найти способ создать правила, не становясь тиранами. Это самое трудное, что нам предстоит. Труднее, чем убить Архитектора. Труднее, чем остановить «Форматирование». Потому что здесь нет врага, которого можно победить. Есть только мы сами. И наш выбор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.